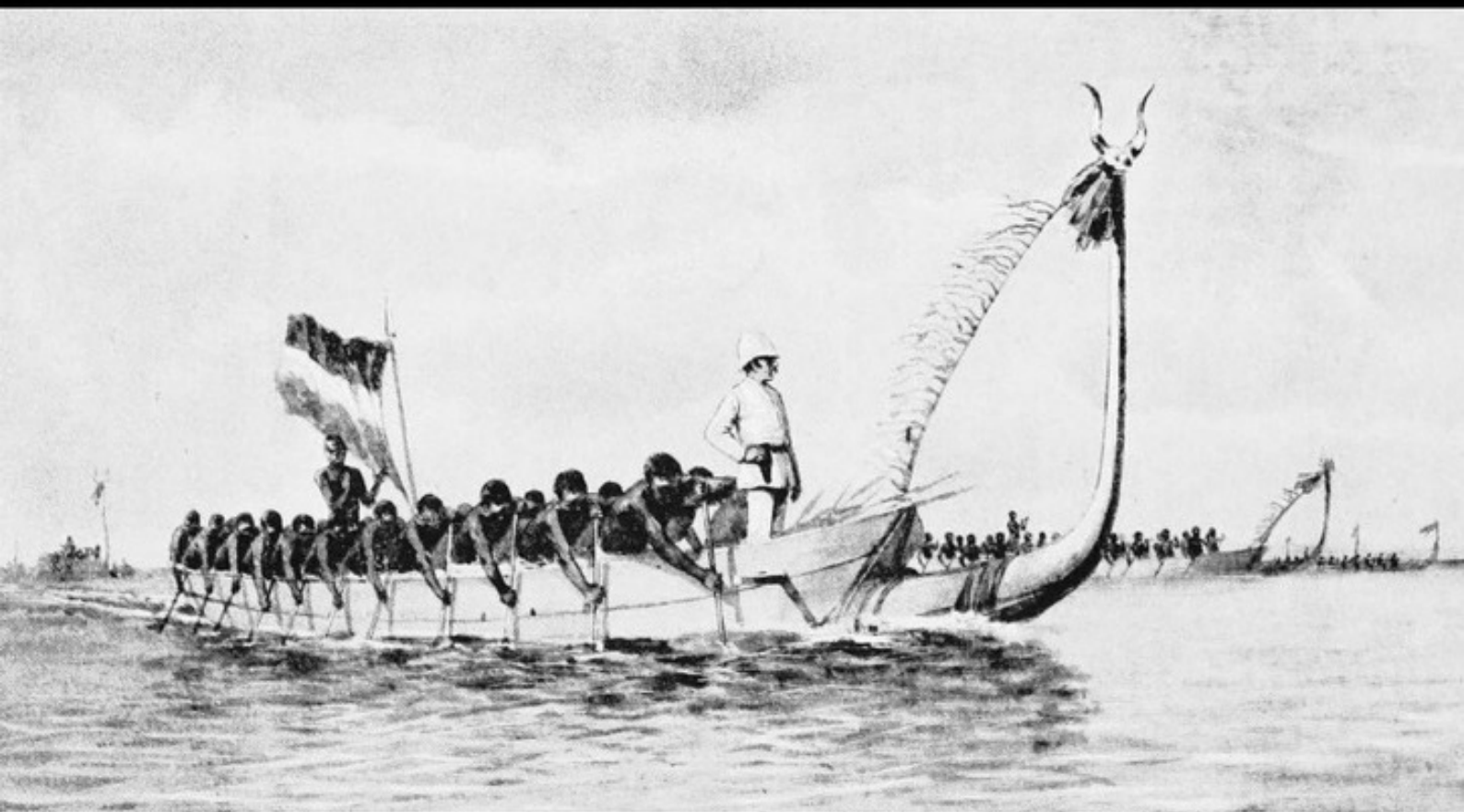

Карл Петерс

**ОПЕРАЦИЯ
«ЭМИН-ПАША».
ТОМ II**

Германский конкистадор
в Восточной Африке

Карл Петерс

**Операция «Эмин-паша». Том
II. Германский конкистадор
в Восточной Африке**

«Издательские решения»

Петерс К.

Операция «Эмин-паша». Том II. Германский конкистадор
в Восточной Африке / К. Петерс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930650-0

Продолжение книги об экспедиции, возглавляемой двумя германскими
офицерами, через дикие территории Африки в конце XIX века.

ISBN 978-5-44-930650-0

© Петерс К.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА VIII. К ОЗЕРУ БАРИНГО	6
ГЛАВА IX. ОТ ОЗЕРА БАРИНГО К ОЗЕРУ ВИКТОРИЯ НЬЯНЗА	15
ГЛАВА X. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ УНЬОРО И ПОВОРОТ В УГАНДУ НА ПОМОЩЬ ХРИСТИАНАМ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Операция «Эмин-паша». Том II Германский конкистадор в Восточной Африке

Карл Петерс

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Карл Петерс, 2018

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-0650-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА VIII. К ОЗЕРУ БАРИНГО

Я забыл упомянуть о том, что с тех пор, как мы вышли из Кикуйю, у нас больше не было растительной пищи, и пришлось полностью ограничиваться мясной диетой. К этому добавились холодные ночи; в результате было несколько случаев болезней среди моих людей.

В шесть часов вечера появились одиннадцать масаев, но они не рискнули зайти в наш лагерь. Я не чувствовал себя склонным выходить к ним безоружным, так как достаточно хорошо знал об их злобности и коварстве. Поэтому я взял с собой несколько человек, вооруженных винтовками, которые были демонстративно положены на землю, в то же время я попросил масаев сложить свои копья. Мы сошлись на полпути между положенных на землю вооружений. Условия мира были урегулированы обеими сторонами во второй половине дня и были ратифицированы мужчинами, которые взаимно плевали друг на друга три раза. Затем я дал по кольцу на палец и по несколько бусин каждому из масаев. В знак того, что наш отряд и их племя будут жить в дружбе и мире, я убил одну из овец, которых я до этого взял у них, и отдал ее масае. Они попросили разрешения спать той ночью в нашем лагере; но я осторожно отклонил эту просьбу, сказав, что было бы лучше, если бы они спали на некотором расстоянии. На тот случай, если ночью они попытаются проникнуть в лагерь, мои часовые получили приказ стрелять в нарушителей. Я оставался недоверчивым, и вместо обычных восьми форпостов я удвоил их количество той же ночью. Я также бодрствовал большую часть ночи, сидя на стуле перед своей палаткой; в таких случаях я привык делать астрономические наблюдения с помощью Хусейна Фары.

На следующее утро масаи появились, якобы для того, чтобы выполнить ту часть договора, согласно которой они взяли на себя обязательство показать нам дорогу к Баринго. Переговоры с ними велись при помощи нашего очень достойного молодого переводчика-кикуйю, который так поразительно напоминал старого Вольтера, что я наделил его этим именем, которое сразу прижилось и в моей экспедиции и среди масаев.

Люди кикуйю в моем караване стали чувствовать себя очень комфортно. Прежде всего, им было очень приятно сознавать, что их смертельные враги, надменные масаи, были неоднократно побиты. Затем они наслаждались тем количеством овец и коз, которое я подарил им. Они не убивают этих животных, а удушают, так что вся кровь остается в туше. Вид такого дикаря, сдавливающего горло овцы или козы, всегда казался мне совершенно отвратительным.

Удалившись от реки, мы снова поднялись на возвышенное плато, по которому двинулись вперед, все еще придерживаясь северо-западного направления. Вскоре на западе появилась гряда больших гор, которые масаи называли Субугу-ла-Баринго (субугу – край гор). Следовательно, это должны быть горы Донго Гелеша. На плато мы обнаружили большие стада масайского скота, и ради мира и спокойствия я охотно согласился остановиться до тех пор, пока масаи не отгонят их подальше от нашего маршрута. Когда это было сделано, молодые воины-масаи поспешили к нам, чтобы поприветствовать нас обычным приветствием «сотуа» (друг). Все это выглядело очень приятно.

К полудню мы спустились с плато направо, в сухое русло реки и натолкнулись на совершенно черный вулканический регион. Название Гуасо-Нарок на языке масаев означает «черная река», потому что поток течет по черным камням. Темную, высокую вулканическую группу скал, которую мы миновали, я назвал «Скалой Телеки» в честь моего предшественника, изучавшего территорию окрестностей реки Гуасо-Ньи́ро.

Жара на черных камнях стала невыносимой. Здесь мы обнаружили следы большого стада овец. Масаи сообщили, что я должен только следовать по этим следам, и через час они выведут меня к Гуасо-Нароку. Между тем, они сообщили, что должны отправиться домой, чтобы

пополнить запасы провизии. Не доверяя масаям, я с Хусейном и Рукуа продолжил идти в поисках Гуасо-Нарока, оставив медленно движущуюся колонну позади.

Поведение туземного населения теперь полностью изменилось, все встреченные спешили убежать от нас. Все это было очень подозрительно.

К двум часам я нашел восемь ослов и загруженного быка. Они были брошены хозяевами, и груз состоял из предметов быта и калечатов молока. Гоня вола перед собой, я вошел в узкую долину. Было уже три часа, и ситуация становилась серьезной, я решил остановиться и дождаться своей колонны, но тем временем послать вперед Хусейна и еще одного сомалийца, который подошел к нам, чтобы выяснить, приведут ли овечьи следы к Гуасо-Нароку. Посыльные еще не вернулись, когда внезапно раздался грохот мушкетов.

Окружающие высоты покрылись воинами масаев. Теперь все стало ясно. Тем временем, ко мне подошли пятнадцать носильщиков, которые настолько устали в этом солнечном пекле на черных камнях, что бросили грузы на землю, и не могли вернуться со мной к каравану. Из них только шесть человек могли идти, и то еле-еле. Здесь им пока ничего не угрожало, поэтому я поспешил назад в сопровождении только одного сомалийца, чтобы посмотреть, что произошло. Почти сразу я встретил господина фон Тидеманна с погонщиком верблюдов. Он сообщил, что один из «наших новых друзей» внезапно вероломно ударил копьем нашего большого носильщика Сабури. Масаи были отогнаны сомалийцами, но Сабури истек кровью в ужасной агонии. Так что, война началась заново! Измученный вероломством дикарей, я был в такой ярости от мысли о подлых убийствах и, в то же время, с таким презрением относился к этим «мясникам», что идея возобновить борьбу с ними была вполне приемлема.

«Вперед! Ведите ослов к носильщикам!» – закричал я сомалийцам, когда увидел, что восемь найденных ослов все еще стоят на месте, потому что я до сих пор воздерживался от их изъятия. «Давайте уьем трусливых негодяев, как собак!». Сомалийцы не очень охотно ответили на мой призыв. Все устали воевать. Однако мне удалось захватить пять ослов – очень приятная добыча для перегруженной колонны.

Когда я вернулся на место отдыха, Хусейн доложил мне, что широкая долина перед нами абсолютно сухая. Справа, под прямым углом, было речное русло, но в нем не было ни капли воды.

Вот где лежала реальная опасность! Судя по всему, масаи полностью меня перехитрили и завели на сковородку из черных камней, где термометр показывал около 50° C (122° F). Мы изнывали от жары. Наши сухие языки прилипли к небу наших ртов. И мы лежали, окруженные враждебными воинами, которые только и ждали того момента, когда мы полностью будем истощены, чтобы напасть на нас. Когда нет помощи извне, человек чувствует себя окончательно брошенным. Но именно в таких положениях в отчаявшееся сердце внезапно проникает убежденность в защите Провидения. Даже самые невыполнимые решения, которые приходят в голову, воспринимаются, как вдохновение сверху.

Так случилось и со мной. Внезапно одна мысль взволновала меня – что, если я поспешу вперед вниз и еще раз вниз по склону на запад, где на дне соседней долины должна собратся стекающая со склонов вода, которую я найду! Поэтому вперед! «Трубач-сигнал! Бейте в барабан! Флаг вперед и прочь от масаев!». Впечатление от чего-то невозможного, сверхъестественного, происходящего на глазах вероломных дикарей, должно быть сильно поразило их, наблюдающих за нами со всех сторон, когда они увидели, как мы совершили это внезапное движение, точно в том направлении, в котором действительно находилась стекающая с каменистых плато и накопленная за период дождей вода. Но мы этого еще не знали, а только предполагали и надеялись. Масаи выли от злости, считая, что мы, каким-то образом узнали о местоположении источника воды. С их стороны не было реального сопротивления, ни даже попытки убежать, когда мы внезапно повернули строй под прямым углом к нашему маршруту и пошли к ближайшему холму. Подойдя поближе, мы неожиданно дали залп по завывающей толпе. Не менее

десятка из тех, что кривлялись и орали на скалах, нашли свою смерть, а те, кому повезло больше, бросились вверх, чтобы найти убежище на противоположном склоне холма. Мы развернулись и отправились в путь на запад, либо к жизни, либо к смерти.

Масаи следовали за нами, как гиены, но держались за пределами дальности действия наших винтовок. Время от времени я слышал звук выстрела, когда кому-либо из моих людей казалось, что масаи слишком приблизились. Но основной тревогой для всех было отсутствие воды. Внутри себя каждый сдерживал крик: воды, воды! Через некоторое время мы увидели русло реки. «Вебиджии!» (вода) – кричали сомалийцы. «Мэдджи!» (вода) – кричали носильщики. Неужели, действительно, вода? Мы подошли ближе – русло было сухим! Солнце начало опускаться. Это четыре часа дня! Что же надо сделать?

Мы перейдем на следующий ряд холмов, чтобы оттуда посмотреть, сможем ли мы найти воду с другой стороны! Я позвал Хусейна и Мусу, которые со мной сформировали передовую группу разведки. Итак, вперед! Когда я был на полпути вверх по очередному холму, голос Тидеманна снизу позвал меня: «Вернитесь, доктор, масаи атакуют нас сзади!»

«Вы, лейтенант отбросите масаев, а я буду искать воду» – крикнул я.

На вершине холма находился просторный крааль масаев, рядом с которым сидел человек. Как волки, мы набросились на него; сомалийцы держали, а я приставил ствол своего шестизарядного револьвера к его виску. «Покажи мне, где река Гуасо-Нарок и уходи живым к своим внизу».

«Гуасо Нарок, – ответил он, дрожа от страха – там», и указал рукой на долину внизу. Этого человека звали Андоробо. Постепенно подошли носильщики, и я сразу же отправил двадцать пять из них с военным конвоем к реке с Андоробо в качестве проводника, чтобы они принесли воду. Затем подошел герр фон Тидеманн. Я сел в свое кресло у входа в крааль, и мы утолили жажду из кувшина Андоробо, а затем закурили трубки. Теперь мы сможем идти до озеро Баринго.

Я разместил свою колонну носильщиков и стадо скота в масайском краале, который я сделал более обороноспособным, предав огню несколько хижин по периферии, которые мешали вести круговой обстрел. Наши палатки, а также палатки сомалийцев, расположились снаружи. Я снова выставил восемь часовых, так как костры масаев угрожающе освещали темноту со всех холмов. В девять часов мы с Тидеманном комфортно сидели в лунном свете над блюдом с бараниной, потягивая коньяк.

В эту ночь я впервые, после многих бессонных суток, спал, и заставил своего слугу Рукуа лечь перед дверью палатки; а сомалийцы заверили меня, что, со своей стороны, они будут исправно нести сторожевую службу, проверяя и сменяя часовых. Я также постановил, что колонна завтра начнет марш чуть позже, чем обычно, чтобы дать людям выспаться. Поэтому, 27 декабря я проснулся свежим, как новый человек.

К несчастью, такого не было с господином фон Тидеманном. В предыдущую ночь он не хотел спать, и в то утро дизентерия определенно проявила себя.

К семи часам со стадом и всей колонной мы пересекли реку Гуасо-Нарок.

На противоположном берегу ко мне пришли несколько вандоробо и сообщили мне, что ослы, которых я забрал в прошлый день, принадлежали им. Однако, поскольку они не смогли представить доказательства этого, я отверг требование, как «необоснованное». Со своей стороны они отказались от моего предложения быть моими проводниками к озеру Баринго.

Далее путь лежал через гряду холмов. Из-за густых и колючих зарослей мы добрались до вершины только к девяти часам. Перед нами лежала черная, обугленная степь, над которой носился северный ветер, в то время как здесь и там были видны покинутые масаями краали.

Теперь мы продвинулись в направлении на запад-северо-запад. Никаких следов масаев не было видно. Все краали были пусты. Вскоре мне сообщили, что стадо больше не может следовать за нами, и что часть его уже отстала в пути. Это заставило меня остановиться, чтобы

снова собрать колонну. Я дал людям полчаса отдыха, а затем планировал продолжить марш до вечера. Но господин фон Тидеманн сообщил мне, что он болен, и не сможет далее идти. Конечно, это решило вопрос.

Рукуа заранее обследовал плато. Когда он вернулся в два часа ночи и объявил, что воды нигде не было найдено, я отказался от продвижения вперед и повернул в южном направлении к Гуасо-Нароку.

В четыре часа дня, уйдя далеко вперед от моей колонны, я натолкнулся на пустынный крааль масаев, в котором я поднял наш флаг и приспособил для нашего использования. Как только крааль был обустроен и господин фон Тидеманн был переведен туда, я отправился с несколькими своими людьми в южном направлении в поисках воды.

Примерно в пять часов пополудни мы нашли водоем среди каменных скал, и вся колонна смогла приготовить что-нибудь для ужина.

В ту ночь мне показалось, что можно выставить только трех часовых вокруг крааля, и во второй раз я имел здоровый сон, так как здесь мы были в полной безопасности при условии бдительной охраны часовыми.

28 декабря я решил дать чрезвычайно истощенной колонне, и особенно, герру фон Тидеманну, день отдыха. Я ограничился переносом лагеря на некоторое расстояние поближе к воде, которую мы обнаружили накануне, а через день мы вошли в укрепленный крааль масаев, сожгли окружающие строения, а центральную часть превратили в неприступную крепость.

Была серая, мрачная погода, и никаких следов масаев мы не обнаружили, также не видели их самих, ни днем, ни ночью. Но по ночам их походные костры мерцали на соседних холмах; знак того, что теперь, как и всегда, они рыскали, как гиены по ночам вокруг нашей колонны, и что самая тщательная бдительность должна быть нашей постоянной заботой.

Поскольку г-н фон Тидеманн теперь был прикован к постели, я больше, чем прежде, вынужден был полагаться на себя; и в эти недели я нашел утешение в чтении книги Карлайла «Фридрих II», чей яркий пример теперь поддерживал меня в трудные времена, даже на далеких плато этой страны.

29 декабря мы снова двинулись вперед, через густую лесную местность, к Гуасо-Нароку, вдоль русла которого я теперь следовал на протяжении довольно сурового дневного марша на юго-запад. Гора Кения по-прежнему возвышалась позади нас на юго-востоке. Гора, которая радовала меня несколько недель назад, теперь оказывала на нас угнетающее воздействие.

Куда бы мы ни шли, масаи оказывались впереди нашей экспедиции. Краали на противоположной стороне Гуасо-Нарока также были пустынными, хотя они сохраняли следы недавнего пребывания людей; например, дымящиеся костры. С другой стороны, 29 декабря наш караван снова подвергся нападению глупого носорога, пока пуля из моей винтовки не заставила его отклониться от курса атаки, и после бега по кругу, бежать к северу. К сожалению, многие наши люди позволили себе увлечься охотой и бесполезно израсходовали на носорога значительное количество пороха и пуль.

В час пополудни я остановил свою колонну в массиве Марай, который лежал ровно к северу от Субугу-ла-Пороны, горы, которая не шла ни в какое сравнение с Кенией.

На следующий день семичасовой марш привел нас в большую деревню масаев, примерно в том месте, где русло Гуасо-Нарока начинает поворачивать на юг, огибая северные отроги горной цепи Абердаре. В этот день мы прошли мимо ряда больших папирусных болот, которые представляют собой не что иное, как застойные части реки Гуасо-Нарок на равнине, которая здесь абсолютно горизонтальна.

Во второй половине дня я отправил одиннадцать своих лучших людей, чтобы выяснить, действительно ли Гуасо Нарок отклоняется к югу. Если это было так, мы достигли точки, из которой в свое время Томсон оторвался от реки и пошел на северо-запад, по направлению к озеру Баринго. Нам также придется совершить подобное «сальто моргале». Это был бы для

нас истинно «смертельный номер», поскольку Томсон делал переход в сезон дождей, тогда как мы сейчас находились здесь в сухое время года и рисковали не найти воды.

Несколько сомалийцев, идущих впереди с острыми мечами и топорами, прорубали для нас путь в северо-западном направлении, от которого, однако, я отклонился в полдень к западу, надеясь, таким образом, быстрее добраться до реки Гуасо-Тьен, которая впадает в озеро Баринго, и должна стать основой для дальнейшего продвижения.

В то время как мы, таким образом, пробивались через чащу, люди кикуйю, которые все еще были с нами, внезапно сбросили свои грузы и исчезли в зарослях. Сначала я подумал, что они где-то рядом увидели масаев и спрятались; но поскольку затем никто из них не вернулся, мне сразу же стало ясно, что это просто дезертирство со стороны этих господ, за что я в душе не мог обвинять их. Только двое из одиннадцати людей кикуйю были удержаны сомалийцами и должны были идти с нами до Баринго. Но я был обязан теперь дополнительно нагрузить верблюдов грузами, которые были брошены девятью кикуйю, в результате чего, наш марш еще более замедлился.

Все лесные ручьи, обнаруженные здесь, были сухими; и наше моральное состояние было подавленным, так как у нас не было никаких предположений относительно того, когда нам удастся выйти из чащи, или удастся ли вообще.

В полдень я позволил колонне отдохнуть. Хусейн и особенно сомалийцы молились вслух Аллаху, прося его о помощи, что я всегда поощрял при таких обстоятельствах, так как это поддерживало моральный дух мусульман. Мои носильщики показали, как обычно в эти дни, трогательную уверенность во мне лично. Они говорили: «Мы найдем воду сегодня, ибо хозяин сказал это».

В течение всего дня мы шли. Наконец, после четырех часов пополудни, чаща стала не столь густой. Мы обнаружили следы носорога, и в пять часов вышли на открытую, но, к сожалению, совершенно сухую долину. Здесь я разбил лагерь.

В данный момент важно было найти воду для каравана. Для этого я отправил две группы на юг и на юго-запад, а сам с Хусейном Фарой, отправился в северо-западном направлении. К шести часам мы вернулись ни с чем, и я съел скудный ужин один в моей палатке, так как Тидеманну становилось все хуже. Я расставил часовых вокруг лагеря. Рукуа также вернулся со своим отрядом с юга, не найдя воду.

Это был новогодний вечер, и мои друзья в Германии, вероятно, сидели в кругу своих родных и близких. Температура по ночам по-прежнему была прохладной, а из чащи вокруг слышалось тьяканье шакала, и вдалеке изредка раздавался рев льва.

Меня не оставляли скорбные размышления об этом завершении 1889 года, когда к полуночи радостные крики внезапно раздались с южной стороны лагеря, и сразу после этого галла по имени Мандутто, был торжественно препровожден ко мне несколькими носильщиками. Он только что вернулся из своей экспедиции на юго-запад, и на плечах принес два кувшина с водой. «Мандутто нашел воду», – радостная весть, которая передавалась из уст в уста по всему лагерю и внезапно превратила общую меланхолию в оживленное состояние радости.

С сердцем, полным благодарности, я теперь успокоился. Чудесным образом эта опасность также была предотвращена; и в полной уверенности в завтрашнем дне я заснул и проснулся в 1890 году.

Вода, обнаруженная Мандутто, была принесена из тропического бассейна на склоне западной окраины плато Лейкипия. Пруд был спрятан в скалах, в густой траве и, таким образом, будучи не подвержен прямому воздействию лучей солнца, сохранился и не высох полностью. К этому пруду, который находился примерно в четырех милях от нашего лагеря в юго-западном направлении, я перенес свой лагерь утром 1 января, и там я снова провел день отдыха, прежде чем следующим утром совершить марш к реке Гуасо-Тьен. Холодный ветер

свистел с севера, была настоящая январская погода; но у нас была вода! Мы могли пить какао и варить суп. В тот день я начал писать отчет о пребывании экспедиции в Масаиленде.

Мы были теперь на высоте более восьми тысяч футов (2400 м) над уровнем моря и на следующее утро пошли на запад по понижающемуся склону плато Лейкипия.

Когда после марша я сидел в своей палатке, мне доложили, что в окрестностях есть люди, которые, по-видимому, хотели вступить с нами в контакт. Я знаками подозвал их и обнаружил, что это были молодые вандоробо.

«Вы знаете путь к Гуасу-Тьян?» – спросил я их, когда они освоились в моем лагере.

«Гуасо-Тьян очень близко», – сказали они.

«Он течет к Баринго, не так ли?»

«Баринго находится вон там». Они указали на северо-запад.

«Тогда эта гора, которую мы видим, вероятно, Донго Гелеша?»

Они знаками ответили утвердительно, явно поразившись тем, что я знаю это название.

«Теперь я скажу вам кое-что, мои хорошие вандоробо. Вы должны показать мне путь к Гуасу-Тьяну и к Немпсу. Взамен я дам вам одного вола и красивую одежду, когда мы прибудем в Немпс».

Они смотрели друг на друга и, похоже, были не склонны соглашаться с этими предложениями. Поэтому я продолжил:

«Откуда я родом, это обычай показывать дорогу незнакомым людям, которые приходят в страну. Тот, кто не делает этого по своей собственной воле, будет вынужден это делать. Вы не склонны следовать нашим обычаям. Поэтому я должен попросить вас спать ночью с моими сомалийцами, чтобы вы тайно не скрылись в темноте и тумане. В остальном вы получите хорошее обхождение».

Когда, несмотря на мои дружеские слова, двое мужчин внезапно попытались сбежать, они были схвачены сомалийцами и связаны. На следующий день мы прошли с ними в Немпс, откуда им разрешили вернуться в свое племя с богатыми подарками. Таким образом, главная забота прошлой недели была преодолена, и сегодня я впервые с нетерпением ожидал легкого продолжения нашей экспедиции.

На следующее утро мы пересекли западную окраину Лейкипии при помощи двух проводников вандоробо. Сначала мы проходили через сгоревшие и запутанные кустарники, а затем на запад, по широкому пути вниз по склону.

Вдруг вся колонна разразилась громким криком восторга. Перед нами открылась зеленая долина, в которую плато Лейкипия обрывалось перпендикулярно вниз. Вдоль этой долины петляла река Гуасо-Тьян. Таким образом, мы достигли речного района озера Баринго. Мы оставили позади грубое и негостеприимное плато Лейкипии, и, вероятно, навсегда, избавились от тревог, доставляемых нам борьбой с масаями.

Через траву высотой в человеческий рост мы за четверть часа достигли Гуасо-Тьян. Река была, по большей части, пересохшей, и только в местах, где высокие тростники укрывали русло от солнечных лучей, было немного воды, которой караван утолил жажду. Я решил, соответственно, пойти дальше по реке, где, согласно утверждению вандоробо, было больше воды.

Было почти три часа дня, когда мы подошли к грандиозному ущелью, где Гуао-Тьен начинает круто падать в вниз. По грубым валунам и огромным каменным скалам мы спустились вниз. Ущелье сужалось и проход стал очень узким, а затем полностью исчез, когда мы подошли к массивной скале, полностью перегораживающей русло и представляющей вертикальный обрыв, по меньшей мере, в шестьдесят футов (18 м) высотой. Это было непреодолимое препятствие для дальнейшего продвижения, и поэтому я решил вернуть колонну на ночь в место за небольшим поворотом вверх по реке, где под скалой было немного воды.

Берега круто поднимались с обеих сторон, так что каждое слово, даже тихо произнесенное, отзывалось громким эхом в ущелье. Здесь мне нужно было выставить только двух часовых, одного сверху и одного снизу, чтобы обезопасить лагерь от любого неожиданного вражеского вторжения.

Накануне, пытаясь спуститься с верблюдами, мои сомалийцы обнаружили путь справа от Гуасо-Тьен, которым я отправился на следующее утро. Этот путь привел нас на высоту 8100 футов (2500 м) к самому дальнему краю озера Баринго. У меня отсюда был полный обзор этой очень замечательной земли, и я полагаю, что здесь мы имели дело с огромным кратерным кольцом, диаметр которого я впоследствии смог определить в пятнадцать немецких миль (семьдесят английских миль или 111 км). В большом кольце имелось множество маленьких кратерных колец, самым глубоким из которых является озеро Баринго. Таким образом, мы стояли напротив образования кратера, которому не было равных в мире, и который я мог бы сравнить только с одной из кольцевых систем на Луне. Спуск с окраин этого кратера на глубокую долину внутри почти перпендикулярен, а пейзаж действительно великолепный.

Спустившись вниз по зигзагообразному пути, мы снова подошли к реке Гуасу-Тьен в точке, где она поворачивает на запад. Отсюда мы продолжали следовать по руслу реки. Скалы справа и слева поднимались на высоту около восьмисот футов (240 м). В некоторых местах они сближались, в других формировали довольно широкое ущелье. Опять же, там, где русло находилось в тени скал, сохранялась вода, но в тех местах, где солнце могло светить перпендикулярно, имелось только сухое дно.

В одном месте скалы так близко сошлись друг к другу, что осел едва мог протиснуться в этот проход, а верблюды застряли. Я был вынужден отойти назад и расположиться лагерем в более широкой части ущелья. Здесь мы оставались целый день, пытаясь вытащить верблюдов, что было сделано после большого напряжения усилий.

Только 5 января мы покинули ущелье реки Гуасу-Тьен, которое доходит до юго-западного угла озера Баринго. Далее мы повернули на запад, прямо через равнину к Нджемпис. Мы разбили лагерь у одного из малых притоков Гуасу-Тьен. В тот день один из носильщиков уронил горящую головню на сухую траву, которая сразу же загорелась, и огонь быстро начал распространяться, к счастью в направлении от лагеря. Это событие, к счастью, привело меня к поиску места для лагеря на месте, которое уже выгорело и не представляло опасности от огня. Я говорю «к счастью», потому что вечером ветер изменился на противоположный, и теперь огонь, который в полдень ушел в саванну, вернулся окружным путем, опять же, с большой скоростью. С трудом нам удалось расположить ослов и боеприпасы в центре небольшого выгоревшего ранее места, которое я выбрал. Г-н фон Тидеманн, который установил свою палатку на краю травянистой степи, должен был поспешно, перенести ее, чтобы избежать опасности быть сожженными в ней.

На следующее утро мы были рады покинуть это негостеприимное место, в надежде, что перед ночью мы увидим само озеро Баринго.

Томсон нарисовал очень соблазнительные картины озера Баринго. Мы надеялись найти там пищу в изобилии и восстановить чувство безопасности для собственной жизни. Поэтому, мы терпеливо часами шли через сухую саванну, а затем поднимались к последней окружности скал вокруг озера Баринго. К одиннадцати часам озеро лежало перед нами! Зеленая тра-

На следующее утро мы под бой барабана пошли к юго-западу и вскоре вышли на широкую дорогу. Через некоторое время я услышал человеческие голоса слева от меня. Через несколько сотен шагов перед нами поднялись толстые колючие заграждения масайской деревни Нджемпис. Старейшины племени вышли и ответили на мое «ламбо» дружеским «ламбо саной». Мы обменялись рукопожатиями.

Отряд воинов-туземцев встал во главе колонны и повел нас на запад. Мы пересекли Гуасо-Тигериш и оказались в прохладной тени мимозных деревьев, на севере от этого места мы наблюдали трогательные остатки караванов Томсона, доктора Фишера и графа Телеки – все они жили здесь в свое время. Грузы были быстро положены на землю, а палатки установлены, и вскоре мы почувствовали приятное чувство уединения в этой стране среди дружеского племени.

Трудности и опасности, которые мы пережили на плато Лейкипия, начались, как буря и постепенно сглаживались в нашей памяти.

ГЛАВА IX. ОТ ОЗЕРА БАРИНГО К ОЗЕРУ ВИКТОРИЯ НЬЯНЗА

Нджемпис находится примерно в пяти милях от озера Баринго. Мы до сих пор сохранили нашу собственную жизнь, сражаясь, и мы нигде не платили дикарям дань. Но у нас было большое стадо, благодаря чему мы обменивали мясо на овощи, зерно, мед и рыбу. Туземцы сами страдали от голода и вряд ли были готовы расстаться со своими продуктами за одежду и ткани, а тем более, за украшения. Но я платил козами и овцами, и таким образом нам удалось купить соответствующий запас «veget-veget», своего рода красного проса, а также меда и ежедневного пополнения нашего рациона рыбой. Из кукурузы мы приготовили какую-то еду, которая, сваренная в соленой воде, стала очень вкусным дополнением к нашему молоку.

Среди овец, которых мы привезли с собой, эти масаи здесь и там узнавали животных, которые были украдены у них их кузенами с плато Лейкипия, с которыми они жили в смертельной вражде. Конечно, я не мог согласиться вернуть их без обменного эквивалента; если бы я согласился на это, я должен был бы скоро избавиться от всего моего стада. Считалось, что мы жили в дружбе друг с другом, будучи объединенными нашей общей враждой по отношению к их соплеменникам с плато.

Я очень скоро оправился от усталости марша по Лейкипии, но, к сожалению, г-н фон Тидеманн не смог восстановить свое здоровье за четыре дня, которые мы провели на озере Баринго.

Относительно низменная область между горами Донго Гелеша на востоке и плато Камазия на западе, находилась на высоте 3400 футов (1000 м) над уровнем моря, и в первый раз, после долгого перерыва, у нас теперь были более теплые ночи, в то время, как дни все еще оставались довольно прохладными.

Вся эта низменность заполнена своего рода красноватой глиной, в которой солнце делает большие трещины и расщелины. Недостатком этого региона является исключительная сухость, которая часто губит урожай и вызывает голод. Масаи, которые, в отличие от своих собратьев на возвышенном плато, занимаются сельским хозяйством, освоили очень изобретательный метод орошения; но эффективность этого орошения зависит от состояния реки Гуасо-Тигериш, которая почти высыхает в этом сезоне года.

Я посетил озеро Баринго в воскресенье 12 января. Кстати, мы увидели огромное количество всех видов животных. Но у самого озера их было видно не так много, потому что оно окружено по южному берегу широким поясом тростника, через который нужно пробираться, чтобы достичь воды.

Масаи этих регионов, названные людьми народа ванганоэси «вакуафи», то есть «торговцами», – имя, которое, кстати, неизвестно среди самих масаев, – значительно сократились численно и утратили воинственность, и, следовательно, были более скромны, чем их наглые кузены на плато. Они ранее принадлежали к большому племени, которое в начале этого столетия было полностью побеждено и разбросано во всех направлениях другими масаями. Часть из них была оттеснена еще дальше на север к озерам, обнаруженным графом Телеки, отчасти к Усагуа, отчасти до Кавирондо, и недалеко от берегов озера Виктория. Эти люди умны и, безусловно, способны к культуре. Они гостеприимны по отношению к незнакомцам, потому что ждут от них защиты от племен других масаев, которые время от времени нападают на них. Торговые иноземцы, будь то арабы или европейцы, также заинтересованы в постоянном поддержании здесь этой колонии мирного и дружелюбного масайского племени.

Я высказался по этому поводу в докладе, который подготовил в Баринго 10 января для немецкого комитета «Эмин-паша» и который не мог быть опубликован в течение длительного времени:

«Племя масаев-баринго было бы очень важно для общего открытия Центральной Африки и для освоения великих плато, через которые шел наш путь. Здесь, дружелюбие туземцев напоминает мирный оазис среди враждебных сил. Экспедиции, которые движутся на восток, пробираются к северу или западу, могут здесь отдыхать и набираться сил для преодоления дальнейших трудностей, которые лежат перед ними. Известно также, что селение Нджемпс у озера Баринго наряду с другими образует один из крупных центров торговли слоновой костью в Восточной и Центральной Африке. Я считаю, что очень важно в интересах цивилизации и общей европейской торговли защищать колонию этих разумных и покорных масаев, живущих здесь, от истребления, которым им постоянно угрожают масаи с плато и люди восук. Одним словом, я считаю необходимым создание сильной европейской станции у озера Баринго. По моим оценкам, пять белых мужчин и двадцать пять хорошо вооруженных аскари с достаточным количеством боеприпасов были бы вполне достаточной силой для обеспечения мира в этой очаровательной долине; и я также считаю, что такое учреждение очень скоро окупит себя, как прибыльный коммерческий завод. Я должен был бы, несомненно, сделать это сам, если бы мне дали полномочия и защитили от дальнейшего судебного преследования со стороны англичан. Но в данный момент я не могу это сделать также по причине того, что большая часть моих ресурсов была захвачена грубой силой в Занзибаре и на побережье. Между тем, чтобы, по крайней мере, что-то сделать, я заключил договор с масаями-баринго, который заверяет их в дружбе со стороны немцев, и отдает их земли в мое распоряжение. В то же время, 9 января я поднял германский флаг в Нджемпсе. Я думаю, что не ошибусь заявляя, что в настоящий момент черно-бело-красный флаг – это тот, которого больше всего боятся воинственные масаи; и до тех пор, пока этот вопрос не будет решен в Европе, я считаю, что германский флаг должен развеиваться здесь. Соответственно, я провозглашаю Нджемпс немецким владением. Я считаю, что я имею право это сделать, потому что Баринго с Нджемпсом к северу от Экватора, явно не включен в лондонское соглашение, и является ничейной территорией.

Отсюда, как я полагаю, можно было бы установить надежное сообщение с Ода-Бору-Рувой на севере Кении, и если Эмин-паша все еще находится в Ваделае, я готов сотрудничать с ним в этом плане, чтобы была создана сеть европейских станций, которая распространилась бы в сердце Африки и которая могла бы поддерживать навигацию на реке Тана. Это стало бы чрезвычайно важным действием, как для торговли, так и для внедрения цивилизации в Восточной и Центральной Африке».

В заключение этой цепочки рассуждений я уже 8 января заключил со старейшинами следующий договор:

«Нджемпс на озере Баринго, 8 января 1890 года.

Старейшины вакуафи (масаев-баринго) в Нджемпсе пришли и просят дружбу доктора Карла Петерса. Они слышали, что он победил масаев, которые являются их врагами. Старейшины заявляют, что они признают доктора Петерса своим господином и просят его обратиться к Его Величеству Германскому Императору за включением страны Баринго в защищаемую Германией территорию.

Доктор Петерс, после нескольких часов переговоров с собранием вакуафи, заявляет, что готов предоставить им свою дружбу и защитить их от масаев, пока он находится у озера Баринго. Он заявляет, что готов поднять германский флаг, чтобы показать масаям, что он рассматривает территорию Баринго, как свое владение, и что она находится под его защитой.

Регулирование дальнейших отношений жителей Нджемпса и территории Баринго доктор Петерс оставляет за собой.

Передача территории Баринго доктору Карлу Петерсу и принятие под защиту его новых друзей торжественно ратифицированы подписями обеих договаривающихся сторон и формами обычными среди вакуафи, а также подъемом германского флага внутри ограждения поселка Нджемпс. Однако, доктор Петерс заявляет, что все еще готов, если это возможно, вступить в переговоры с Эмин-пашей, с чтобы передать ему эту свою территорию и власть над этим регионом».

Карл Петерс – подпись.

Старейшины вакуафи из Нджемпса, Баринго:

Лаонаниа – знак вместо подписи
Сомбеджа – знак вместо подписи
Баезалат – знак вместо подписи
Лонголетеа – знак вместо подписи
Лендека – знак вместо подписи
Нендалом – знак вместо подписи

Свидетели:

Хусейн Фара,
Муса Дар-эс-Салам
Рукуа
Бвана Мку

Записано верно, Фон Тидеманн – подпись.

Нджемпс, 8 января 1890 года».

9 января германский флаг был поднят в ограждении Нджемпса, и был виден далеко по всему региону.

Я действительно ожидал найти здесь английскую экспедицию, поскольку мистер де Винтон еще ранней зимой 1888 года, отговаривал меня от экспедиции на том основании, что здесь уже находилась английская экспедиция, которая уже тогда должна была возвращаться с вызволенным Эмин-пашой. Я воспроизведу здесь свои мнения, поскольку они ясно указывают, каково было мое настроение в те дни.

Я ожидал встретить здесь белого человека, возможно, мистера Мартина, но нигде не было видно следов хоть какой-нибудь экспедиции. Я предположил, что здесь, наконец, будут выполнены пророчества мистера де Винтона и что возвращающаяся спасательная английская экспедиция появится на моем пути, и мне останется только отступить по ее следам к побережью океана. Еще в Адене, когда я был на пути к Занзибару, я встретился с мистером Свэйном, который был упомянут как лидер английской восточно-африканской экспедиции. В Момбасе в апреле я увидел г-на Ласта, который возвращался из Укамбы, чтобы потом снова вернуться туда. Когда я был в Виту, в начале июля, я услышал, что кто-то, принадлежащий к экспедиции г-на Джексона, «поспешно вернулся из внутренних районов и обустроился в Малинди. После этого я удостоился своими глазами наблюдать, как мистер Пиготт и мистер Смит возвращались на Среднюю Тану.

По правде говоря, было достаточное количество возвращающихся английских восточно-африканских экспедиций без всякого результата. Господин де Винтон и его друзья распростра-

няли эту информацию и сказали, что Эмин-паша уже находился в лагере какой-то английской экспедиции у Баринго, и что я должен встретить эту экспедицию здесь. Но никаких следов экспедиций мы не обнаружили.

Я слишком хорошо знаком с жевательными способностями носильщиков Занзибара, чтобы поверить, что четыреста из них могут протиснуться через территорию Баринго, не оставив ощутимых следов. Поэтому я склонен думать, что ни одна английская экспедиция никогда здесь не была.

Для нашего дальнейшего продвижения к западу мне пришлось перепаковать грузы носильщиков, сделав их более тяжелыми. Грузы выючных животных были облегчены, особенно трех верблюдов, которые шли вообще без груза и были использованы только в случаях необходимости. «Сэр, пусть они идут, как джентльмены!» – сказал Хусейн Фара.

Я сам участвовал в подготовке колонны, так как хорошо знал, что впереди лежала необитаемая Ангата Ньюки. Как я уже заметил, вопрос о продовольственном снабжении в африканских экспедициях является главной задачей лидера, который должен отдать ему должное. Стэнли может многое рассказать о страданиях, которые его экспедиция терпела от голода в своем походе на Арувими. Читая это повествование, я не мог не думать: «Да, но Стэнли вообще не чувствует, что в этих строках он раскрывает свою непростительную ошибку?». Теперь я знаю, что не всегда начальник экспедиции несет ответственность за такое несчастье, хотя в целом я убежден, что именно в этом случае лидер должен расспрашивать о своем маршруте, прежде чем он приведет сотни людей в голодные регионы. Но этот Стэнли, даже в своем третьем путешествии по лесу, когда он был полностью ознакомлен со всеми обстоятельствами и трудностями предстоящего перехода, снова рассказал о «голодающем лагере». До этого я не скрывал своего восхищения им, особенно как лидером экспедиции. После прочтения его отчета о путешествии через первобытный лес мое мнение о Стэнли несколько изменилось.

Перед выходом от озера Баринго я выдал каждому из моих людей рацион на двенадцать дней, и, поскольку у меня было еще около четырехсот голов скота, я счел, что 13 января могу с чистой совестью начать продвигаться на запад к Кавирондо.

В тот день мы расположились лагерем примерно в семи милях к западу от Нджемпса, у прекрасного изгиба реки Гуасо-Тигериш, где в свое время граф Телеки останавливался лагерем на несколько недель.

На следующее утро нам пришлось подняться на стену плато Камазия, которое круто спускалось на равнину. Мы начали свой марш до восхода солнца, и теперь все время поднимались вверх, а солнце жарило все сильнее.

Плато Камазия во всех отношениях не похоже на плато Лейкипия. Но как и последнее, оно образует ряд уровней или террас.

Я заставил моего друга-туземца Лаонания показать нам путь до первого водопоя в Камазии. Мы прошли до полудня, но воды нигде не было. Наконец мы остановились у ручья, который очень скудно стекал в иссохшее русло Гуасо-Камнье, где мы были вынуждены разбить лагерь на очень стесненной площадке, ограниченной склоном горы. Перед нами был крутой склон восточной части Камазии.

Жители Камазии – вакамазия, это обычные масаи, и настолько же наглы, как их соплеменники на плато Лейкипия. Хотя они знали, что мы побили этих последних, местные дикари вели себя шумно и бесцеремонно, так что я выгнал их из лагеря. Однако, они принесли нам хороший мед, а их нахальство не дошла до столкновения.

15 января наш путь привел нас к гребню Камазии, вынудив нас показать навыки по скалолазанию, которые, к моему удивлению, были продемонстрированы. Те, которые «шли, как джентльмены», имели честь нести только сомалийца Ахмеда, который заболел плевритом. В то

время как восточный склон Камазии очень сух, на западной стороне есть серия ручьев, а следовательно, и свежие плантации.

В Нджемпсе, по просьбе моего носильщика Пембы Моты, я оставил его больную жену на попечение масаев-баринго, а накануне носильщик Чамсин, который нес какую-то железную утварь и хромал, не прибыл в лагерь. Утром 15 января Пембой внезапно овладела тоска по жене и, незадолго до того, как экспедиция продолжила марш, он скрылся, оставив свой груз на земле.

В этот день я снова разбил свой лагерь на очень ограниченном пространстве на углу горного склона, чуть выше маленького ручья. До этого народ Камазии воздерживался от враждебных демонстраций против нас. В полдень мне сообщили, что местные масаи пытались похитить овец из нашего стада, но были быстро отправлены в бегство сомалийцами, стрелявшими в них. К трем часам Пемба Моту внезапно появился бегом, совершенно голый и без оружия. Он сообщил, что вакамазия убили Часмина и отняли у него груз; что они также попытались захватить его, Пембу Моту, и что только оставив все свои вещи ему удалось убежать и вернуться в экспедицию.

Хотя это был явный *casus belli* (повод в войне – лат.), я сразу не мог решить, следует ли нам избежать новых столкновений и вернуться назад, чтобы опять проделать трудный марш через гребень Камазии, но уверовав в своих людей, я отдал приказ своим людям встречать все враждебные действия со стороны вакамазия применением оружия на поражение.

16 января утром мы продолжили марш на запад, пересекая холмистую территорию. Вакамазия неоднократно пытались проникнуть в наше стадо, но были отброшены сомалийцами, некоторые из дикарей получили свои пули.

Было почти двенадцать часов, когда мы достигли западного склона плато Камазия и получили крайне неприятный сюрприз в виде другой крутой, скалистой стены, отделенной от нас широкой долиной. Стена, по всей видимости, простиралась безгранично и к северу, и к югу. Мне сказали, что это земля Эльгехо, где люди были очень агрессивны; гораздо злее, чем вакамазия.

После принесения в жертву «козла мира» с людьми на высшем уровне плато, я начал спуск, который был выполнен более легко, чем мы могли ожидать. Неожиданно я увидел, что дорога была завалена кустами и ветками, а за этим барьером лежали пятьдесят или шестьдесят туземцев с копьями и натянутыми луками. Туземцы наивно полагали, что таким образом смогут получить дань за проход по их территории, но немедленно отказались от этого намерения, когда я указал на них сомалийцам, как на объект для обстрела. Эти туземцы были испорчены Томсоном, который платил дань направо и налево, о чем говорит в своей работе «Через Масаиленд». Он и его люди были здесь остановлены несколько раз и платили дань тканями, бусами и проволокой, чтобы получить разрешение на проход.

Когда вакамазия пытались получить дань захватом части моего скота, а также убили Часмина, со своей стороны потеряв за все время троих человек, они решили, что теперь все квиты, и пора заключать мир. Теперь они пришли объяснить нам, что готовы быть нашими друзьями, не получив плату за проход экспедиции по их территории.

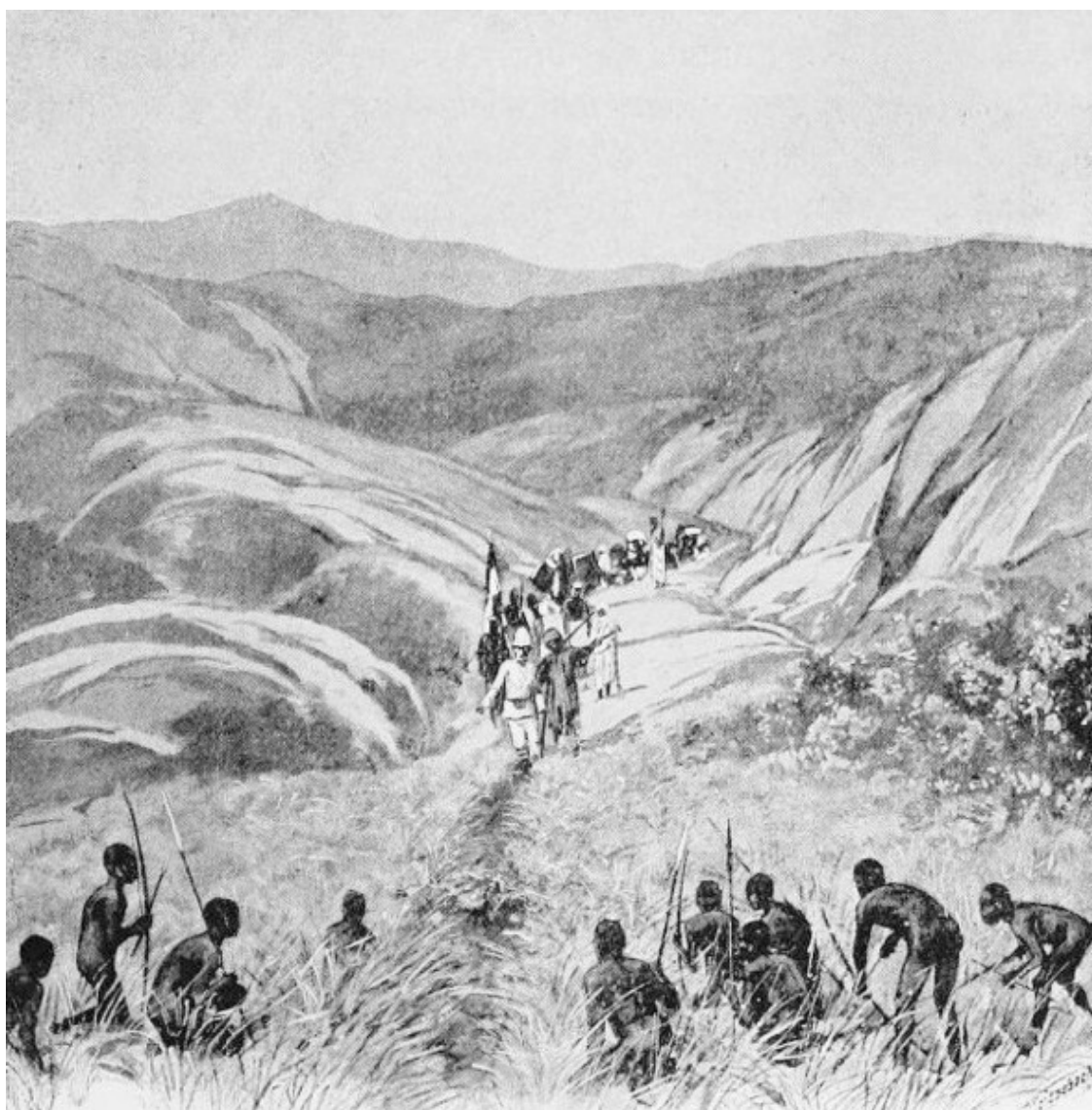
В этот день я расположился лагерем на западном склоне горного хребта. Люди Камазии, которые теперь стали весьма любезны, принесли нам продукты для продажи, и мы с удовольствием наслаждались тихим днем, когда наше внимание внезапно привлек грохот мушкетов на некотором расстоянии под террасой, на которой находился наш лагерь.

Что бы это могло быть? Арабский караван или европейцы? Английская экспедиция? Возможно, Стэнли, или даже сам Эмин-паша?

Вакамазия, которые стояли вокруг, быстро освободили меня от сомнений сообщив, что это был караван Джумы Кимамета, хорошо известного мне из книги Томсона, а также из описания путешествий графа Телеки.

Вскоре на склонах холма появились передовые фигуры. В быстрой последовательности они произвели несколько выстрелов в воздух. Я ответил одним выстрелом из моей палатки, а затем отправил старшину носильщиков Мусу и моего слугу Буана Мку, чтобы встретить новых пришельцев и приветствовать их. Вскоре после этого в моей палатке появились шесть живописных арабов, совладельцев приближающегося каравана.

Я чувствовал себя, как моряк, плывущий по совершенно пустынному океану, возможно, в Полярном море, внезапно увидевший другой корабль. Арабы казались нам почти соотечественниками, потому что они говорили на кисуахили, который мы неплохо знали, и они пришли из Пангани, района, который я так хорошо знал из опыта прежних лет. Здесь, среди масайских племен, исчезают противоречия интересов белой и арабской расы. У нас есть общая цель, а именно, укрепить авторитет более цивилизованных рас среди диких туземцев, которые, со своей стороны, практически не различают европейцев от арабов.

Засада туземцев вакамазия

Арабы сказали мне, что они пришли от озера Туркана и некоторое время задержались в Энгаботе.

Я спросил их, есть ли у них новости об Эмин-паше.

«Эмин Паша – кто он?»

«Белый человек, живущий по ту сторону Туркана, на Ниле. Неужели люди Туркана никогда не говорили с вами о таком человеке?»

«Нет никогда».

«Что вы можете сказать о территориях на севере?»

«Окрестности Туркана – это сухая земля. Жители мирные, но в прошлом году туда приходили масаи и увели верблюдов».

«Что можете сказать об Энгаботе?»

«Люди в Энгаботе раньше были мирными, но теперь они испортились».

«У вас есть какие-то новости из Кавирондо?»

«Говорят, что в Кавирондо есть белый человек, который пришел в Кабарас вокруг озера».

«Белый человек, пришел с побережья или изнутри?».

«Он не пришел с побережья. Говорят, у него много женщин и солдат. Но кто ты и откуда ты?»

«Я немец, и меня зовут Купанда Шаро – в Европе зовут доктор Петерс. Мы прошли вдоль Таны через землю галлов и через землю масаев на плато Лейкипия. Мы победили масаев и сожгли Элбеджет. Вы увидите у нас остатки стад, которые мы отняли у них».

«Вы побили масаев? Это очень хорошо! Белые люди теперь бьют масаев. Буана Мкубуа (граф Телеки) побил людей васук на севере в прошлом году».

«Мы обязаны сражаться повсюду, так как мы не хотим платить дань, а эти люди нападают на нас. Здесь, в Камазии у нас была перестрелка».

«Очень хорошо, но куда ты хочешь пойти?»

«Я пойду к белым людям на Ниле и, в первую очередь, в Уганду. У вас есть новости из Уганды?»

«Из Уганды нет, но вы получите всю информацию в Кавирондо, там люди очень хорошие. Вы можете отправиться туда без ружья – всего лишь с палкой. Там тоже есть много еды, и вы получите всю информацию, которую захотите, там тоже живут вангвана, у которых вы можете купить продукты».

Это было интересное сообщение, но наше воображение особенно взволновало известие о белых людях. Информация, принесенная арабами, звучала загадочно, и мы предположили, что она должна иметь какую-то связь с целью нашей экспедиции. Я подарил арабам несколько волов, и спросил их, не возьмут ли они письмо от меня на побережье Индийского океана. Они

согласились и под приветствия моих людей вернулись к своей колонне, пообещав навестить нас еще раз вечером.

Великой была радость среди моих людей от новостей, которые мы слышали. Общеизвестное мнение гласило, что если белый человек с большими стадами крупного рогатого скота находится в Кавирондо, он должен быть немцем, потому что другие белые нации не везли за собой стада крупного рогатого скота – так думали мои носильщики и солдаты.

После завтрака я написал краткий отчет немецкому комитету «Эмин-паша» о продвижении экспедиции до сего времени. Этот отчет благополучно прибыл в Занзибар в начале апреля и стал первым фактическим свидетельством того, что наша экспедиция жива, а не была уничтожена. Эта приятная работа заняла меня до шести часов вечера.

После обеда арабы, среди которых особенно цивилизованным выглядел Буана Мку, из Пангани, снова пришли к нам. Я угостил их какао с сахаром, а после того, как начался дождь, мы приятно побеседовали несколько часов в моей палатке. Арабы очень подробно спрашивали меня, чтобы получить информацию о плато Лейкипия, через которое они, похоже, выбрали свой маршрут. Наш разговор продолжался в темноте.

Я до сих пор забыл упомянуть, что выйдя из Масаиленда, мы полностью остались без средств освещения внутри палаток. Вряд ли в Европе может быть понятно количество лишней, связанных с этим незначительным обстоятельством. Мы полностью зависели от солнца и луны; и когда яркой луны не было, мы были вынуждены ложиться в постель примерно в шесть часов вечера, или сидеть у костра. Только когда мы приехали в Уганду, мне пришла в голову мысль о том, чтобы изготовить свечи из наших запасов жира и скрученного в фитиль хлопка.

Я могу упомянуть в этом месте, что англичане в Ламу изъяли у меня шестьсот сигар, так что для этого наркотического наслаждения нам пришлось полностью зависеть от наших трубок и собственного табака. На Баринго также была израсходована последняя бутылка коньяка; и теперь мы были ограничены напитками в виде кофе, чая и какао, которые, я могу заметить, в высшей степени способствовали нашему здоровью.

На прощание я подарил Буана Мку бочонок с порохом и новый халат. На следующее утро была еще одна встреча с взаимными благочестивыми пожеланиями, и мы расстались. Белый человек, который, как говорили арабы, жил в Кавирондо, был предметом, который занимал наши мысли во все время марша и часто оживлял наш разговор впоследствии. Но болезнь господина фон Тидеманна продолжалась, и он обычно ложился спать, как только заканчивался дневной переход.

Теперь мы направлялись в Эльмуттэй, который лежит в большой низине, которая простирается между Камазией и Эльджейо в северо-западном направлении и пересекается рекой Вэйвэй.

В этот день умер сомалиец Ахмед, который был похоронен вечером его соплеменниками при свете пылающих факелов.. Эти похороны были очень фантастическим зрелищем. Сомалийцы молились с диким энтузиазмом. Затем каждый магометанин торжественно просил мертвеца, чтобы тот упомянул его имя, когда встретится с Аллахом.

Не понимающие языка сомалийцев посторонние, которые были свидетелями этой необычной сцены, должны были принять этот ритуал за ужасное заклинание, с магическими формулами и призывом злых духов.

В этой местности ночью формируется очень необычный вид посредством костров, которые поддерживаются в деревьях, построенных на холмах. Это зрелище уже привлекало нас на озере Баринго, а здесь оно оказалось еще более своеобразным.

Я слышал, что в Эльджейо есть много провизии; но люди здесь явно сторонились нас. Поначалу проявив наглость, как и вакамазия, они все еще не чувствовали себя в безопасности, когда приближались к нам, зная о судьбе постигшей родственные им племена в Камазии, и особенно, в Масаиленде. Они одеваются, как вакамазия, которых они также напоминают

по внешнему виду, в короткие плащи, свисающие с плеч, что оставляет тело полностью обнаженным. Они носят тонкое копье длиной около семи футов, а также лук и стрелы. Язык здесь, как и во всех землях этого региона, является диалектом общего языка масаев.

По рекомендации Буана Мку я сразу же по прибытии сюда нашел проводника по имени Киробани, который, как говорили, знал дорогу к Кавирондо и, за награду в виде скотины, был склонен проводить нас туда. Мы сговорились с ним за пять овец и разумное количество других вещей.

Поскольку поставки растительной провизии не были достаточными для марша через саванну, которая лежала перед нами, я решил остаться здесь на следующий день, чтобы увеличить запас. Утром я сразу же отправил своих людей в деревни на склоне горы, чтобы купить зерно, овощи и другие продукты, но они вернулись днем, не выполнив задания. Туземцы ничего не хотели продавать; и все мои собственные усилия в этом направлении, продолжавшиеся до вечера, были бесполезны.

К моему огорчению, в этот день в мой лагерь также прибыл дезертир из прошедшего ранее арабского каравана. Этого негра я, к сожалению, не мог прогнать, поскольку арабский караван уже ушел слишком далеко, и поэтому, я был вынужден взять его свою колонну. Имя этого человека было Буана Марамба, и он был уроженцем Момбасы.

Когда я возобновил марш 18 января, Киробани, несмотря на его решительное обещание, так и не появился. Поэтому я послал людей искать его, а тем временем направился со своей колонной к скалистой стене, на которую нам пришлось лезть.

Киробани, который уже получил авансом часть своего платежа, был обнаружен моими людьми, спрятавшимся на поле мтамы. Я подошел к нему и сказал: «Вперед, старик! Покажи нам путь к Кавирондо». Короткий возглас «А-а-а!» был ответом на мое обращение. Я сказал: «Вперед!». Опять он зарычал, «А-а-а!» Тогда я взял его за плечо и слегка встряхнул. Он зашипел, как кошка при встрече с собакой. Мое терпение было исчерпано. Удар в лицо и шнур, натянутый на его шее сомалийцами, продемонстрировали Киробани, что я не склонен к тому, чтобы мои контракты были разрушены таким бесцеремонным способом. Он сразу стал вести себя очень вежливо и услужливо, пошагав в гору с самым веселым видом. В этот день утром я был вынужден убить предпоследнего из моих верблюдов, так как он не смог пройти по скалистому пути.

Немногим раньше двенадцати часов, я расположился лагерем на мысе, на полпути вверх по склону, где журчал ручеек.

На стоянке я заковал в цепь Киробани, который неожиданно стал «нашим очень хорошим другом», и в этом положении его навестила семья. Я хорошо накормил его, и он сказал, что теперь я мог бы освободить его от цепи, потому что он «был рад пойти с нами в Кавирондо». Но я не был достаточно убежден в чистосердечии этого дикаря, поэтому он остался закованным.

Чтобы подкрепить нашего последнего оставшегося верблюда, сомалийцы приготовили для него целую овцу. К моему большому удивлению, животное ело мясо довольно жадно и до последнего кусочка.

В этот день все наши усилия по закупке продовольствия для каравана потерпели неудачу. Туземцы ничего не продавали, а с другой стороны, их поведение не было настолько враждебным, чтобы с нашей стороны оправдать объявление войны.

Вечером налетел сильный дождь, который мы с радостью приветствовали, потому что это укрепило надежду на то, что нам удастся найти воду на Ангате Ньюки («красная равнина»). Но ночь была темной, а форпосты укрылись от ливневых дождей под крышей палаток сомалийцев. Здесь появился шанс для Киробани, которым он не преминул воспользоваться. На следующее утро он исчез, с цепью вокруг ноги. Он мог делать только самые короткие шаги, но,

несмотря на это, его так и не нашли. Соответственно, мне пришлось столкнуться с неприятной необходимостью идти вперёд на Кавирондо без проводника.

Всю ночь в деревьях над нами раздавался дикий вой и рев. Жители в эти темные часы вели себя враждебно, и своим воинственным шумом, видимо, хотели запугать нас. Утром, когда мы продолжили наш поход по скалистому склону, они выглядели достаточно растерянными и напуганными.

Восхождение становилось круче и круче. Миновав деревни, мы вошли в полосу лесов. Здесь нам удалось заключить сделку с тремя туземцами из Эльджейо, которые согласились за вознаграждение провести нас к плато. Когда лесной пояс был пройден, мы подошли к уступу горы, где я остановился, чтобы подождать стадо и ослов. Здесь мне сообщили, что два осла упали и не могли идти дальше, и что часть стада отстала.

Со всех сторон местные туземцы сопровождали нас в количестве многих сотен, а их поведение по отношению к нам было явно более двусмысленным, чем в предыдущие два дня. Наконец наше стадо вышло из лесистых зарослей, и теперь мы пошли вверх по головокружительному пути по краю скалы.

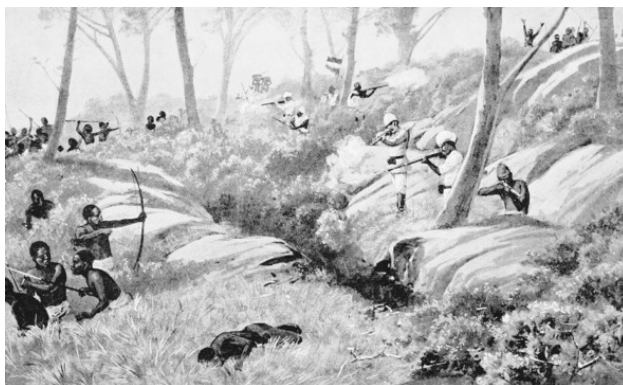
По имеющейся у нас информации, на самой высокой точке плато Эльджейо увенчанной лавовым колпаком, который опускается отвесно и является довольно труднодоступным, его пересекает расщелина, по которой можно подняться вверх, как по лестнице. Но для этого, конечно, необходимо знать, где находится эта расщелина.

Там, где лава покрывает утес есть другой уступ, на котором есть место для лагеря каравана. Это уступ уже был занят толпой ваэльджейо (местными масаями), и когда я появился на нем, с передовой стражей, мои три проводника внезапно отошли в сторону и отказались показать мне вход на скалистую лестницу. На все мои уговоры они отвечали упрямым: «Ааа!», И когда я наконец приложил руку к одному из проводников, чтобы заставить его выполнить свой долг, за который ему выплатили аванс, внезапно раздался воинственный клич среди ваэльджейо. Они размахивали своими копьями и демонстративно двигались на меня, а от скалы отражалось и распространялось повсюду эхо их завываний.

С нашей стороны сразу раздалась выстрелы из мушкетов в воздух. Ваэльджейо бросились в разрыв между сомалийцами и стадом, чтобы украсть скот. Когда ваэльджейо тоже начали осыпать нас сверху стрелами, мы начали стрелять на поражение, в результате чего, трое из них были убиты, а остальные быстро исчезли за валунами справа от скалы. «Нам удалось захватить одного из дикарей, которого привязали за шею веревкой и заставили показать нам восхождение в расщелине.

Укрывшись за каменными валунами ваэльджейо продолжали воинственно завывать и посылать в нас стрелы, абсолютно безрезультатно. Я время от времени стрелял из своей двуствольной винтовки, для которой у меня все еще было пятьсот патронов, в их направлении, чтобы держать орду на расстоянии. Сомалийцы внизу, которые не успели соединиться с нами, также очень скоро разгромили своих противников; и через час ожидания мне было приятно видеть не только мое стадо, но и оставшегося верблюда и ослов, которые прибыли к месту нашей временной остановки.

Мы пошли дальше к последнему каменистому подъему. К сожалению проводник, несмотря на мое предупреждение, внезапно отпрыгнул со скалистой тропы прямо в пропасть, цепляясь за кусты, пытаясь бежать. Один из моих людей, который привязал дикаря к себе веревкой, был сдернут вниз и погиб, как и пытавшийся сбежать проводник. Мне было жаль, потому что мы теперь знали дорогу, и туземца было можно отпустить раньше.

Наконец, мы поднялись на вершину, и перед нами на высоте 2700 футов (800 м), лежал густой лес можжевельниковых деревьев, в который вела тропинка. Здесь я остановился, чтобы подождать всю колонну. Постепенно носильщики отдышались, и я должен был немедленно отправить их обратно, чтобы облегчить бремя выючных животных. Мне сообщили, что верблюд, застрял в узком проходе между скал и не мог двигаться ни вперед, ни назад. Я был вынужден дать приказ перерезать ему горло, чтобы он не попал в руки туземцев, и освободить место для прохода колонны. После двух часов напряженного труда все мы были наверху.

Под нами, на головокружительной глубине, лежали поселения ваэльджейо, от которых мы теперь были в безопасности; перед нами лес, который должен привести нас к Ангате Ньюки. Дорога была намного сложнее из-за какой-то жгучей крапивы, которая нависала над ней с обеих сторон. Полчаса пути привели нас к противоположному склону горы, и теперь перед нами лежала Ангата Ньюки, которая отделяет Эльджейо от Кавирондо. День был серый и холодный, как в горной местности Шотландии. Время от времени моросил небольшой дождь, и холодный осенний ветер свистел с севера по степи, которая лежала перед нами.

В этот день я расположился лагерем на несколько миль дальше, на краю густого леса. Мы сегодня не нашли воды, но я увидел черную болотистую почву, из которой мои люди выжали жидкость, хотя и достаточно песчаную, отфильтровали ее, как могли, и это позволило нам хотя бы сварить суп и мясо, а нам с Тидеманном выпить по чашке чая.

На следующее утро мы отправились в западном направлении по полностью безлесной, поросшей скудной травой Ангате Ньюки * («красная равнина» – название, оправдывающееся в сухой сезон, когда вместо травы здесь присутствует только красная глина). Справа на северо-западе мы увидели гору Элгон **. Эта плато Ангата Ньюки, по своему характеру и структуре, точно соответствует плато Лейкипии, которое оно даже несколько превосходит по высоте. Все огромное плато высотой около 4000 футов (1200 м) постепенно снижается к югу, к озеру Виктория Ньянза.

* Сейчас это место называется – Великая Рифтовая долина – прим. переводчика

** Элгон – гора на границе современных Кении и Уганды. Высота 4321 м – прим. переводчика

Но в то время как плато Лейкипия было населено людьми, здесь, в Ангате Ньюки, мы попали в совершенно необитаемый регион. Не так давно здесь жили племена, связанные с вакамазия и ваэльджейо. Они были уничтожены до последнего человека, южными племенами масаев, и теперь эти пустынные степи в дождливый сезон пересекают только великие стада антилоп и зебр, а также носороги и буйволы. Перед нами, на горизонте, поднимались холмы Сурронгаи, которые нам придется пройти, чтобы добраться до Кавирондо.*

* *Кавирондо – прибрежная область на северо-востоке от озера Виктория Ньянза – прим. переводчика*

В горе Элгон, по словам Томсона, есть уникальные пещерные структуры, которые привели его к предположению, что много лет назад здесь трудились цивилизованные люди. Какое историческое действие когда-то проходило на этой чудесной сцене?!

Теперь мы вышли из сухой зоны. Облака на горизонте сгущались и обещали бурю над Ангатой Ньюки. Ежедневно темные небеса извергались в сильных ливнях на жаждущую землю, которая уже покрывалась новой свежей зеленой травой. Подобно грохоту барабанов, тяжелые капли падали на тенты палаток, вспышки молниеносных дротиков по темной равнине теперь ослепляли белым и синим светом, и, подобно выстрелам из пушки, громогласное эхо катилось издали с юго-запада, от региона озера Виктория Ньянза.

Гора Элгон на карте

Температура воздуха довольно прохладная и приятная. Ночи не такие холодные, как на плато Лейкипия, а с другой стороны, дни менее жаркие. Проблема с водой также отпала.

Уже в первый день мы пришли к южному притоку реки Нсойя, и чем дальше мы продвигались к западу, тем больше встречалось созданных дождями ручьев, так что, нам приходилось часто пересекать около десятка из них за одно утро.

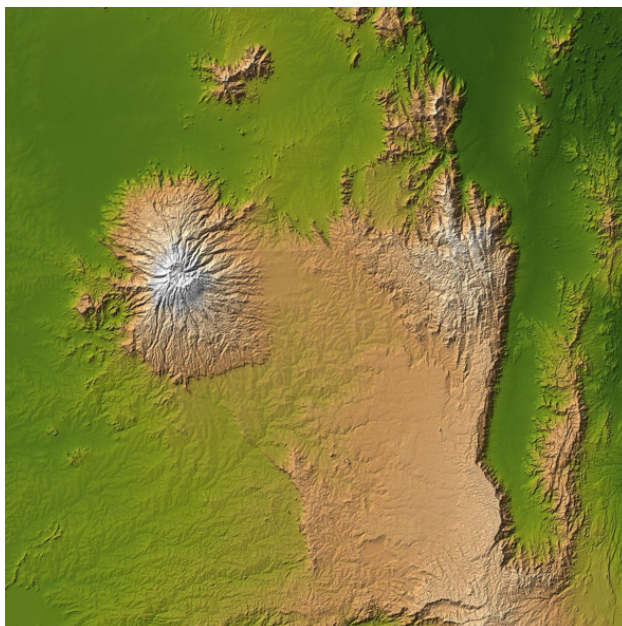
Перед нами, на северо-западе, слева от Элгона, открывались ворота, которые могли привести нас к землям Эмин-паши. А что, если мы будем продвигаться прямо к нему? Искушение достаточно сильное, но мы все еще не знали, насколько проходим такой прямой маршрут к Экваториальной провинции; и, с другой стороны, Кавирондо манило нас таинственной фигурой белого человека, о котором нам говорили арабы в Камазии. Поэтому вперед, по прямой линии, к горам Сурронгай!

Гора Элгон

В качестве ориентира для марша я с самого первого дня выбрал возвышение на холмах Сурронгай, которое, в отличие от других высот, выглядело довольно белым и явно образовало восточное крыло этой гряды. Белый цвет возник, как я потом выяснил, из-за того, что трава на других холмах была сожжена туземцами, а здесь осталась нетронутой, в результате чего пожелтела в сухой сезон.

22 января мы пересекли реку Гуасо Марим, и на следующий день подошли к холмам Сурронгай. Ангата Ньюки становилась все более и более пышной, чем дальше мы продвигались на запад. На западе также появились великолепные лесные массивы, а следуя по течениям ручьев мы, спустя некоторое время, наткнулись на веерные пальмы, которые не встречали уже давно. Количество диких животных увеличивалось с каждым днем. Стада буйволов тысячами паслись по краю леса, срываясь в грохочущий галоп, когда в одного из них попадает ружейная пуля. 24 января я пять раз стрелял в буйволов, все пули попали в цель, но только один гигантский экземпляр, достался мне в качестве добычи, поскольку преследование раненых, даже в течение четверти часа, было бы слишком большой задержкой для экспедиции. Чтобы дать моему народу время разделать огромную тушу, я в полдень основал свой лагерь у западного склона холмов Сурронгай.

Гора Элгон (слева) и Великая Рифтовая долина (внизу)

Это был скучный, дождливый день, но все мы были в радостном волнении; так как точно знали, что на следующее утро мы должны добраться до плодородной земли Кавирондо, где мы надеялись получить новости об объекте нашей экспедиции.

Незадолго до двух часов в моем лагере внезапно появились четыре вандоробо. Я пригласил их остаться с нами на ночь, а на следующий день показать нам удобный путь в Кавирондо, который находился на значительно более низком уровне. В этот день 25 января, было доказано, что курс, которого я придерживался без отклонений от Эльджейо, был совершенно правильным. Почти по прямой линии мы вышли к Кабарасу, отклонившись от этого главного селения всего на полмили к северу.

Мы начали марш сначала к краю гор Сурронгай, а затем сразу же увидели перед нами деревни и плантации Кавирондо, среди которых были веселые, многообещающие дымы, поднимающиеся к небу.

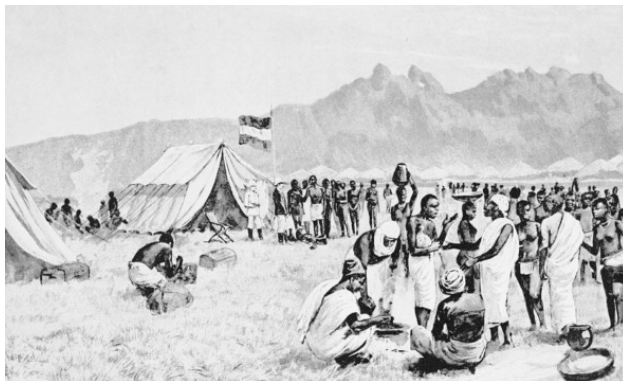
Вандоробо издали показали нам Абурам Зонда, главное место Кабараса, а затем попросили разрешения вернуться, так как они воевали с народом Кавирондо. Я удовлетворил их просьбу.

Перед нами стояла трудная задача найти путь к нижним землям. Ангата Ньюки здесь образует почти перпендикулярную стену высотой 1400 футов (420 м) и, на первый взгляд, казалось невозможным начать спуск. Дважды мы были вынуждены вернуться, потому что снова и снова натыкались на места, где спуск был буквально перпендикулярным. Наконец я обнаружил более пологий спуск; и здесь, идя впереди с сомалийцем Омаром, я нашел путь для каравана, сначала по рыхлым камням, а затем по траве высотой с человека.

В течение двух часов все спустились вниз, и теперь я возобновил свой марш точно в западном направлении, в соответствии с ориентиром, который я установил раньше. Мы шли почти до трех часов дня и остановились, когда оказались рядом с ручьем, напротив первых плантаций людей вакавирондо. По своему обычаю, я хотел первым встретиться с жителями страны, а не показать туземцам усталый и голодный караван, который они увидят на следующее утро сытым и освеженным отдыхом.

Я прошел вперед, с Рукуа, Хуссейном и двумя другими сомалийцами. Затем, выбрав удобное место, этих двух сомалийцев отправил назад, чтобы привести сюда всех людей. Прошло больше часа, прежде чем им удалось привести стадо, и было почти шесть часов вечера,

когда Рукуа, которого я отправил позже, сумел найти носильщиков и г-на фон Тидеманна, которые заблудились и пошли в неправильном направлении на юг. У нас было достаточно времени, чтобы установить палатки, прежде чем стало темно, а затем на нас набросился обычный бурный дождь. Но кухня была под крышей палатки, и поэтому мы могли наслаждаться укрепляющим силы супом и каким-то блюдом из баранины. Однако г-н фон Тидеманн все еще болел.

В лагере перед Кабарасом

На следующее утро, всего за полчаса, мы пришли к первым деревьям жителей Кабараса. Я выстрелил два раза в качестве приветствия, а затем, с флагом впереди, мы под удары барабана двинулись по столице страны, Кабарасу. Селение было окружено стеной из глины, у северного входа сидели старейшины, готовые приветствовать нас. «Джамбо Сана!» – раздался крик. Мы повернули налево за пределы поселения, и расположились под какими-то могучими деревьями, чуть ниже южной стены Кабараса.

Мой первый вопрос был, естественно, о белом человеке в Кавирондо. «Есть ли в Кавирондо белые люди?»

«Да» – был единогласный ответ.

«Сколько их?»

«Некоторые говорят, что двое, а другие – четверо».

«У белых людей много солдат?»

«Да, очень много, и каждое утро они дуют в трубу, как и вы».

«Вы знаете имена белых людей? Один из них зовется Эмин-паша? Среди них есть турки?»

«Эмин Паша? Мы его не знаем».

«Откуда пришли белые люди? Они пришли с берега или вышли изнутри?»

«Они пришли с юга, вокруг Ньянзы».

«Их лидера зовут Стэнли?»

«Да, да, совершенно верно, Стамудей».

С этими вопросами я неоднократно обращался к нескольким из вакавирондо, и всегда получал тот же ответ: «Да, конечно, Стамудей. У этих людей коровы и быки, большое стадо, а их начальника зовут Стамудей!»

Для нас это была очень важная новость. Мог ли Стэнли, о чьем продвижении я не знал ничего, кроме того, что он отступил назад от Мвутана Нзиге, и, возможно, отправился к озеру Виктория Ньянза, а оттуда в Кавирондо, чтобы связаться с Эмин-пашей из этого места; или был ли Эмин-паша с ним, хотя, туземцы не знали имя паши?

Я сразу сел и написал следующее письмо:

«Кабарас, 2 января 1890 года

Сэр, по прибытии сюда сегодня утром я получил известие, что европейцы находятся в Ква Сунду. Когда я прибуду в Ква Сунду в среду или четверг, я буду рад встретить любого джентльмена, который окажется в этом месте.

Имею честь. Доктор Карл Петерс».

Адрес: «К любому европейскому джентльмену, который может быть в Ква Сунду или в Кавирондо».

Это письмо я немедленно отправил с двумя сомалийцами, Саметером и Джамой Исмаилом, которых в качестве проводника повел местный житель. Сомалийцам я приказал доставить мне ответ в Ква Сакву, место, в которое я собирался прибыть на следующий день.

Между тем, я с огромным интересом наблюдал замечательные фигуры людей Кавирондо, которые толпились в моем лагере. В больших бутылках из тыкв они приносили зерно всех видов, а также мед, помимо яиц, птиц и молока. Мужчины одеты в фартуки, но дамы ходили максимально обнаженные; замечательный контраст с Масаилендом, где наблюдалось обратное. Только замужние женщины носили фартук очень ограниченного размера, кольца на предплечьях рук, на ногах и в ушах, а также цепи на шее. Незамужние девушки ходили в костюме Евы. *

** Более подробно туземцы Кавирондо с многочисленными старыми фотографиями конца 19-го, начала 20-го века описаны в VI главе книги Уильяма Ансорджа «Под солнцем Африки». Книга впервые переведена на русский язык в начале 2018 года и доступна в интернет-магазине ЛитРес.*

Женщина и мужчина вакавирондо (туземцы Кавирондо)

Влияние народов банту здесь обнаруживается повсюду. Сохранились фрагменты быта некогда могущественного племени масаев-баринго, называемого вакуафи, которые были изгнаны из Ангаты Ньюки южными масаями. Здесь вакуафи обычно служили своего рода «ландскнехтами» для местных вождей (которых нередко называют султанами), и по сути, составляли основной воинский контингент во всем Кавирондо.

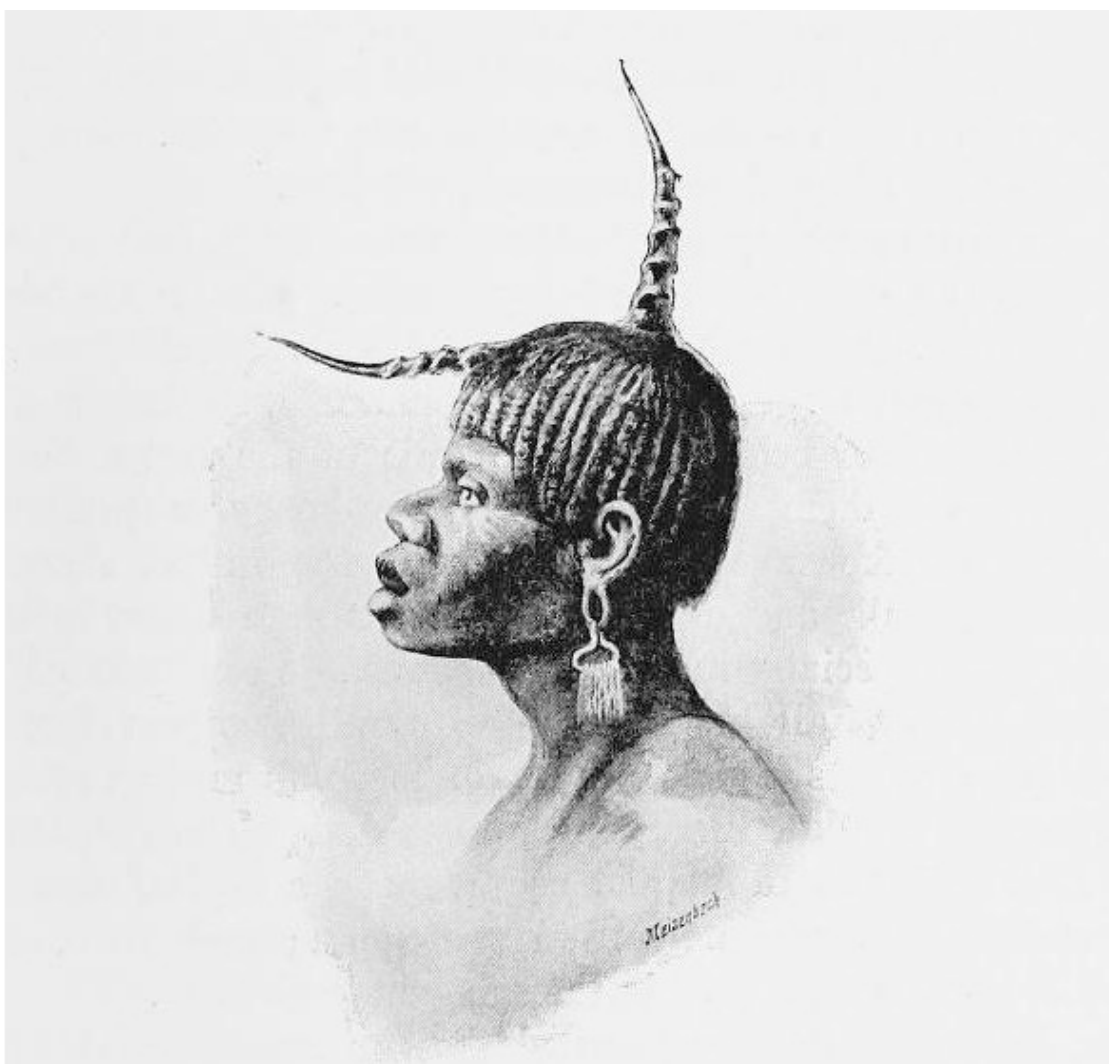
Томсон многое может рассказать об опасности своего положения в Кавирондо. Он даже рисковал быть убитым. Должен признаться, что мы не испытывали никаких тревог среди этих простых и общительных людей. Фактически, все происходило так, как говорили арабы в Капте, можно было идти сюда без оружия, и только с тростью. Среди самих масаев Томсон проявлял мягкость и податливость, о которых я уже говорил. Эта доброжелательность не исходила из христианского чувства любви к ближнему. В своей книге «Среди масаев» он рассказывает, как вакавирондо проявляли к нему высокомерие и вели себя нагло. Далее он, якобы, заставил их понять, что он смирился с таким поведением потому, что был гостем в их стране, и далее признает, что из-за некоторого желания мести, долгое время подавляемого, он не имел ни малейшего желания встречаться с этими «гневными негодьями». С таким нерешительным

лидером и его люди тоже старались держаться подальше от вакавирондо, которые по-существу являлись ветвью народа масаев.

Сам я всегда находил, что эти масаи в Каворондо очень хорошо относились к нам, и я ни разу не был вынужден пресекать наглость с их стороны.

Изобилие продуктов в этой стране оказало на нас и моих людей впечатляющий эффект. Птицы были жирными и нежными. Мед был совершенно белый, как сахар, и восхитительно ароматный на вкус. У нас было также молоко и яйца, которые были съедены вареными или в виде омлета. Бобы и кукуруза, а также зерновые плоды всех видов, потребляемые с молоком, как каша, или соус сопутствующий мясу, сообщили приятное изменение нашей обычной мясной диеты; а славные бананы, съеденные сырыми или запеченные в жире и сахаре, создали отличный десерт. Весь мир появился в новых цветах; особенно тогда, когда таинственные белые люди были в непосредственной близости.

27 января мы отпраздновали день рождения Императора специальным ужином, а 28-го числа под бой барабана мы отправились с нашим проводником по хорошо утоптаным дорожкам на юг. Ландшафт стал более сельским, с близлежащими деревнями и сытыми стадами волов, которых можно было увидеть на лугах. Когда мы проходили мимо поселений, люди подходили и предлагали кукурузу, молоко и мед для продажи. Здесь наша репутация победителей масаев нам сильно помогла. Я смею утверждать, что в силу этого факта мы были более популярны в Кавирондо, чем в любой другой части нашего марша, поскольку здесь масаи с юго-востока достаточно известны своей жестокостью и опасной дикостью.

Вакавирондо (туземец Кавирондо)

Между двумя деревнями, на прекрасной, богато культивируемой равнине, я в этот день расположил свой лагерь и развернул германский флаг, чтобы он был виден издали со всех сторон.

Не успели мы поставить палатки, когда внезапно раздался выстрел в низине под нами, и сразу после этого пять человек, одетых в белые рубашки, приветливо размахивая руками спешили к нам.

«Идут посланцы от белых людей!» – сказали вакавирондо, и сразу же прибывшие были приведены моими сомалийцами ко мне.

«Кто вы?» – спросил я.

«Мы вангвана с побережья озера, сыновья и люди султана Кавирондо по имени Саква. Султан послал нас, чтобы мы пригласили вас в его страну».

«Какие белые люди в Кавирондо, и что вы знаете о них?»

«Они англичане – мистер Джексон, мистер Мартин и еще два человека».

«Как долго они здесь?»

«В течение многих месяцев, но совсем недавно они отправились в Эльгуми и дальше, чтобы охотиться на слонов».

«Что они здесь делают?»

«Они построили станцию в Ква Сунду и покупают слоновую кость. К ним приходили посланцы из Уганды, там сейчас идет война, и никто не может туда пройти. Арабы отбили Мвангу и убили всех христиан. Англичане не хотят идти в эту страну».

«Англичане друзья с твоим султаном?»

«Саква, наш султан, великий и богатый, он не любит людей, которые приезжают сюда, чтобы покупать слоновую кость и стрелять других животных. Саква любит всех людей, которые понимают толк в войне. Мы знаем, что ты побил масаев, и поэтому Саква будет вашим другом, он отправил нас объявить об этом и пригласить вас завтра отправиться в его резиденцию в Ква Саква, чтобы вы там сделали свою станцию, у Саква не будет друзей-англичан, он любит немцев. Ты пойдешь?»

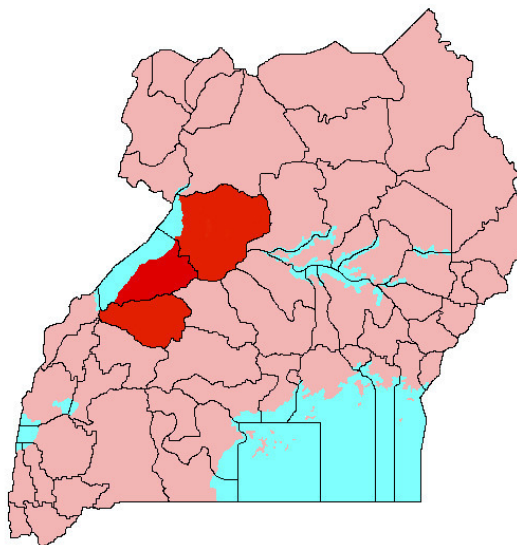
«Я еду в землю турок, к Эмин-паше. У вас есть вести о нем?»

«Турки, как говорят, живут там (посланник указал на север), но они очень далеки, у нас нет известий о них. Эмин-пашу мы не знаем».

«Знаете ли вы путь к Уньоро?»

«Уньоро очень далеко, мы не знаем пути туда. Шесть лет назад сюда пришел белый человек, он хотел поехать в Уганду, но ваганда (туземцы, населяющие Уганду) убили всех его людей. Ваганда очень плохие, и никто из нас не ходит в том направлении».

«Отправляй посланников к султану и скажи ему, что я прибуду к нему завтра, что я хочу поехать в Уганду и прийти туда, как друг. Все остальное я буду обсуждать с ним завтра лично».

Уньоро (красным) на карте современной Уганды

Итак, теперь информация о таинственных белых людях в Кавирондо прояснилась; и, по правде говоря, «гора родила мышь». Мы встретили экспедицию Джексона, и, вероятно, жители Кабараса слышали упоминаемое имя «Стэнли», с которым эта экспедиция должна была сотрудничать.

Следующие дни дадут дальнейшую информацию, и поэтому на сегодняшний день мы полностью воздержались от догадок.

На следующее утро мы двинулись в юго-западном направлении. Повсюду мы видели огромные стада крупного рогатого скота. «Все они принадлежат султану Саква», – сказал проводник. Масаи, которые пасли скот, поспешили к нам, чтобы выразить уважение. После того, как мы пересекли богатую Нсойю, перед нами выросли огромные красные стены и высокие ворота Ква Саквы, уже не деревни, а города.

Плотная толпа вышла к нам из ворот, и мне сразу сообщили, что сам султан со своими братьями идет навстречу, чтобы произнести подходящее приветствие. Но, поскольку я не знал намерений этих людей, я отдал приказ приготовить к действию огнестрельное оружие.

Таким образом, в тесном строю мы двинулись к северо-восточным воротам города. В трехстах ярдах справа, на обочине, росло гигантское дерево, и под этим деревом сидел Саква со своими людьми. На его шее висела большая бронзовая цепь, а его руки были украшены медными кольцами. Он держал копье в правой руке, и рубаха из хлопчатобумажной ткани покрывала его тело. Когда я подошел к нему, он встал со своего места и шагнул ко мне, протягивая руку. Рука об руку мы двинулись с торжественным эскортом к входным воротам Ква Саква. Широкий ров окружает стены этого селения. Войдя в ограждение, чужеземец сначала попадает на большое открытое пространство, окруженное домами военного гарнизона. Оттуда он проходит ко второму большому пространству, окруженному широким кругом многочисленных домов султана. Все эти дома полны сотнями его женщин. Султан предложил, чтобы я жил здесь. Я мог либо жить в его домах, либо поставить здесь свои палатки. В то же время он

указал на двух жирных быков, которые должны были стать моей пищей на сегодня, и каждое утро, пока я оставался там, приводили двух других быков. Затем в больших кувшинах было принесено коричневое пиво, к которому добавили мед, яйца, птицу и молоко, а также золотисто-желтые бананы. Скоро были подготовлены дома для моих людей; палатки были установлены, и в час полудни впервые германский флаг уже развевался посреди Ква Саква.

Едва я удобно расположился в своей палатке, помылся и побрился, как привык делать это каждый день после марша, как внезапный выстрел у южных ворот объявил о новом визите. Сюда прибыли туземцы из английской экспедиции, которые приветствовали нас, и от них я получил более определенную информацию об интересующих меня объектах, и особенно от Али Сомалья, который, как мне сказали, оставался начальником станции в отсутствие четырех белых мужчин. Мне сказали, что у экспедиции было пятьсот носильщиков, и они были вооружены винтовками «Ремингтон» и снабжены боеприпасами. У них было более 50 ящиков патронов, все еще находящихся на складе станции.

Во второй половине дня сам Али Сомаль специально пришел сюда к нам из Ква Сунду, чтобы поприветствовать нас. Это был молодой сомалиец, интеллигентного внешнего вида и почти с джентльменскими манерами, в совершенно европейской одежде. Он очень любезно нас приветствовал и сразу же сообщил что приглашает нас прибыть, как можно скорее, на его английскую станцию. Он сказал: «Мистер Джексон сильно обиделся бы на меня, если бы я позволил вам жить здесь. Он очень пожалеет, что сейчас отсутствует, но в любом случае, вы должны подождать, пока он не вернется».

«Но куда мистер Джексон ушел? Возможно, он прошел через Эльгуми к Эмин-паше?»

«Ни в коем случае, если бы он отправился к Эмин-паше, он бы, конечно, взял меня с собой. Нет, он охотится. Уже некоторое время он провел на Эльгоне и убил несколько слонов и теперь, вероятно, пошел к северу с той же целью».

«Но если он только хочет охотиться, почему он берет с собой четыреста пятьдесят человек и всех белых людей на север? Он пришел в этот регион только, чтобы охотиться?»

«Не так. Нам было поручено связаться со Стэнли из этого места, чтобы поддержать его экспедицию в нильских странах. Но Стэнли отправился обратно на западную сторону озера Виктория, и поэтому мы не смогли помочь ему».

«Стэнли отправился на западную сторону озера Виктория? Но потом он снова вернулся к Эмин-паше, и, возможно, Эмин-паша ушел с ним?»

«Нет, Эмин-паша остался в своей стране. Со Стэнли еще один белый человек вышел на юг. Эмин-паша воевал с вангоро, которые побили его людей и оттеснили к северу. Сейчас Эмин-паша совсем один в Экваториальной провинции, и добраться до него отсюда невозможно».

«Откуда вы это знаете?»

«Мистер Джексон был бы необыкновенно рад поехать к Эмин-паше или, в любом случае, в Уганду, но он не смог этого сделать, поскольку все племена к западу от нас враждебны, и мы просто нашли бы свою смерть, если бы пошли туда. Вангоро не хотят иметь ничего общего с белыми, а в Уганде правят арабы. Ваганда убивают каждого белого человека, который приходит в их страну, и экспедиция, которая двинется в эти регионы, обречена с самого начала».

«Вы получали новости из Уганды?»

«Да, неоднократно. Последняя депутация от племени ваганда в настоящее время все еще находится в моем лагере, и вы можете расспросить их сами. Христиане Уганды уже несколько раз отправляли нам просьбу помочь им, и они согласились признать свою территорию британской колонией, но г-н Джексон всегда отказывался от этого, заявляя, что он слишком слаб для выполнения такой миссии. Подождите мистера Джексона, он все объяснит вам более четко. Через 14 дней он должен вернуться».

«Я не могу ждать здесь четырнадцать дней, потому что через несколько дней я уйду отсюда на запад».

«Вы собираетесь отправиться на запад?»

«Конечно, если Эмин-паша сейчас один в своей провинции, ему нужна срочная помощь».

«Но ехать на запад совершенно невозможно: вы будете идти к смерти. Эмин-паша разбит и уже не тот, кем он был».

«Если Эмин-паша был разбит, ему нужна помощь еще больше. Более того, откуда вы знаете, что продвижение на запад невозможно?»

«У нас есть хорошая разведка в каждой соседней стране. Я могу показать вам письма из самой Уганды, если вы захотите их увидеть. После того, как вы их увидите, вы откажетесь от плана по уничтожению всех ваших людей. Я особенно заинтересован в этом, в вашей экспедиции есть двенадцать моих братьев-сомалийцев, чьи жизни я бы хотел спасти. Прочитайте письма из Уганды завтра, и вы скажете, что я прав».

«Хорошо, теперь идите к сомалийцам, которые передадут вам новости из вашей страны. Пока вы остаетесь в Ква Саква – вы мой гость».

Что же я узнал? Большая английская экспедиция несколько месяцев назад ждала Эмин-пашу на границах нильских стран, не попытавшись двинуться к нему навстречу. Отряд Эмин-паши был разбит племенем вангоро, а сам он остался одиноким на своем посту, в то время как его белый компаньон (видимо, Казати*) ушел со Стэнли на побережье океана! Уганда в руках арабов, и Каба-Рега, которого я, по описанию Эмина, знал как его верного друга, теперь враг европейцев и самого Эмина! Понятно, что я не был в восторге от этих известий, в подлинности которых у нас не было оснований сомневаться. Но из хаоса моих чувств не исчезла одинокая фигура Эмин-паши в мире враждебных сил – махдистов и вангоро. Как мы можем колебаться? Теперь нам необходима вся наша решимость, чтобы спешить и помочь ему, или пасть вместе с ним.

** Гаэтано Казати (1838—1902) – итальянский путешественник. В 1878 году отправился в северо-восточную Африку. В апреле 1883 года вместе с российским путешественником, доктором Юнкером, был гостеприимно принят Эмин-пашой в управляемой им провинции. В 1886 году прибыл в Уньоро, где был взят в плен восставшими махдистами. Приговоренный к смерти, был освобожден, когда его тюремщики узнали о приближении отряда Генри*

Мортон Стэнли. После освобождения Казати примкнул к блокированному в своей провинции Эмину – прим. переводчика

Но надо подождать, возможно, следующий день принесет больше информации. Утром, в первую очередь, поступила просьба от стороны султана Саквы. Он рано появился перед моей палаткой, чтобы сделать мне следующее предложение:

«В двух часах пути к северу от этого места, – сказал он, – обитает грабительское племя мангати на земле, которую мы называем Нгоро. Эти люди постоянно вторгаются на мою территорию, угрожают моим стадам и сжигают мои деревни. Они разграбили всю территорию на запад, от реки Нсойя. Я неоднократно умолял англичан отбросить этих мангати и предложил, если они это сделают, поднять английский флаг над Кавирондо, но англичане – люди страха; они заперлись на своих станциях и боятся борьбы с людьми мангати. Теперь пришли вы, немцы, которые победили самих масаев, я дам вам всех своих аскари (туземных солдат). Затем вы победите мангати, а я подниму ваш флаг и дам вам половину своего скота, который вы отобьете у мангати».

«Но что мне делать с мангати? Я не думал о борьбе с ними. Мы были вынуждены сражаться с масаями потому, что они напали на нас в первые. Мы, немцы, на самом деле, сражаемся только тогда, когда на нас нападают, или когда люди под нашей защитой подвергаются нападениям».

«Хорошо, мы отдаем себя под вашу защиту. Вы станете нашим господином, если побьете мангати».

«Даже если бы я хотел сделать вам такую услугу, я не смог бы это в настоящий момент. Я должен идти на запад, к большому белому человеку, который там живет. Если я отстреляю здесь все свои патроны, как мне добраться до моего друга на Ниле?»

«Вы в любом случае не сможете добраться до Нила, там обитают ваганда, которые очень плохие, и убивают всех, кто приходит к ним. Некоторое время назад среди нас был белый человек, который также хотел отправиться в эти земли. Ваганда убили его и всех его людей».

«Но разве васога (*жители Усоги*) тоже плохие? Если я пойду по этой стороне Нила, через Усогу, а потом мимо Унджоро, мне нечего бояться ваганда».

«Васога и ваганда – это одно и то же», – сказал он. «Васога – рабы Мфальме (короля) Уганды и должны делать все, что он им говорит».

«Но к тому времени, когда новости о нашем марше дойдут до Уганды, мы уже пройдем Усогу, и если васога помешают нам сделать это, мы победим их так же, как мы победили масаев».

«В Усоге есть много людей ваганда, и у них там очень много ружей. Все племена до тебя были ими побиты. Но если вы попытаетесь вступить в войну с людьми ваганда и васога, то вы будете разбиты. Лучше победите мангати и примите нас в качестве подданных. Между тем, мы отправим новость вашему белому человеку. Если он такой великий, как вы говорите, он пошлет вам солдат, чтобы вы могли благополучно прийти к нему. Мы очень хорошо знаем, что вон там, по направлению к заходящему солнцу, живут турки (*египетские солдаты в Экваторе*)».

риальной провинции), и что у них много ружей. Если их султан – белый человек, ждите от него новостей, а затем вы доберетесь до него благополучно».

«Теперь я понял все твои слова, иди и оставь меня в покое, чтобы я мог помолиться моему Богу. Сегодня днем я отвечу тебе».

Заманчивая часть предложения Саквы заключалась в том, что, приняв его, я буду уверен, что мой тыл в Кавирондо обеспечен. Если мы победим мангати, наша репутация на западе также значительно возрастет; и это, возможно, будет решающим фактором в вопросе нашего марша к Усоге. С другой стороны, не в моих традициях атаковать под германским флагом племя, которое раньше не совершало враждебных действий по отношению к нам. Соответственно, я решил, что, хотя я и поддержу султана в подавлении племени грабителей на юге, я не позволю германскому флагу или любому из нас, белых людей, участвовать в этом деле.

Я выделил на следующее утро тридцать человек под руководством Хусейна Фары, с условием, что султан также поставит под командование Хусейна всех его аскари. Подвластные султану масаи и банту должны дать отряду возможность продвигаться к территории мангати той же ночью, чтобы они могли напасть на своих противников и разгромить их на следующее утро перед восходом солнца.

Саква согласился со всеми требованиями; но, как и любой негр наврал, чтобы задача не показалась мне трудной, и я не отказался от ее выполнения. Вместо того, чтобы отряд Хусейна напал на врага между четырьмя и пятью часами утра, как я и требовал, было уже от семи до восьми часов, прежде чем воины достигли Нгоро, так как расстояние до этого места оказалось в два раза больше, чем мне наврал султан.

Мангати проснулись, отвели свои стада в тыл и ждали моих людей, построившись для битвы. Последовало очень упорное и даже кровопролитное сражение, в котором Хусейн совершил ошибку, не следуя тактике, которую мы всегда применяли на практике, атакуя с криком «Ура!» после нескольких залпов. Он двигался вперед осторожно и держась от противника на расстоянии.

Подойдя поближе к месту боя, мы все утро слышали грохот ружей, а также видели пламя, поднимающееся над некоторыми деревнями на юге.

К трем часам дня солдаты Саквы были первыми, кто вернулся гордо маршируя и распевая суровую военную песню в ритмичной манере, что-то вроде следующего: «Ху, ху, ху, ху!», а затем прибыли мои люди, исполняя свою собственную военную песню. Мангати действительно были разбиты, потеряли две деревни и пятьдесят шесть человек; но Хусейну не удалось овладеть стадами скота, а запас патронов экспедиции, значительно сократившийся еще до этого боя, был сведен к минимуму. У меня теперь было только от сорока до пятидесяти патронов на человека для магазинных винтовок. После сражения у нас было несколько раненых. С другой стороны, весь Кавирондо, несомненно, был восхищен нашим маленьким отрядом, и это известие быстро полетело на запад до Уганды. В тот же вечер Саква заставил убить волов для моих людей, а на следующий день поднял большой черно-бело-красный флаг на холме в его столице на флагштоке высотой в пятьдесят футов (15 м). Его жены исполняли в честь нас танцы.

В конце концов, это означало, что у нас осталось мало патронов, и с таким незначительным запасом боеприпасов теперь нужно было отправиться на опасную территорию Нила?

Договор, который я заключил с Саквой 1 февраля, содержал следующее:

«Султан Саква из Кавирондо просит доктора Карла Петерса поднять в его владениях германский флаг. Он безоговорочно признает доктора Петерса своим господином.

Доктор Карл Петерс обещает защищать султана Сакру и помочь ему в завоевании всего Кавирондо, насколько это согласуется с другими планами доктора Петерса.

Султан Саква торжественно поднимает германский флаг сегодня в своей столице. Обе стороны заверяют этот договор подписями свидетелей.

Доктор Карл Петерс – подпись.

Султан Саква – знак.

Свидетели

Сын султана Лутония Вауа

Брат султана Куэю

Сын султана Саньялут

Хуссейн Фара, лидер аскари-сомалийцев

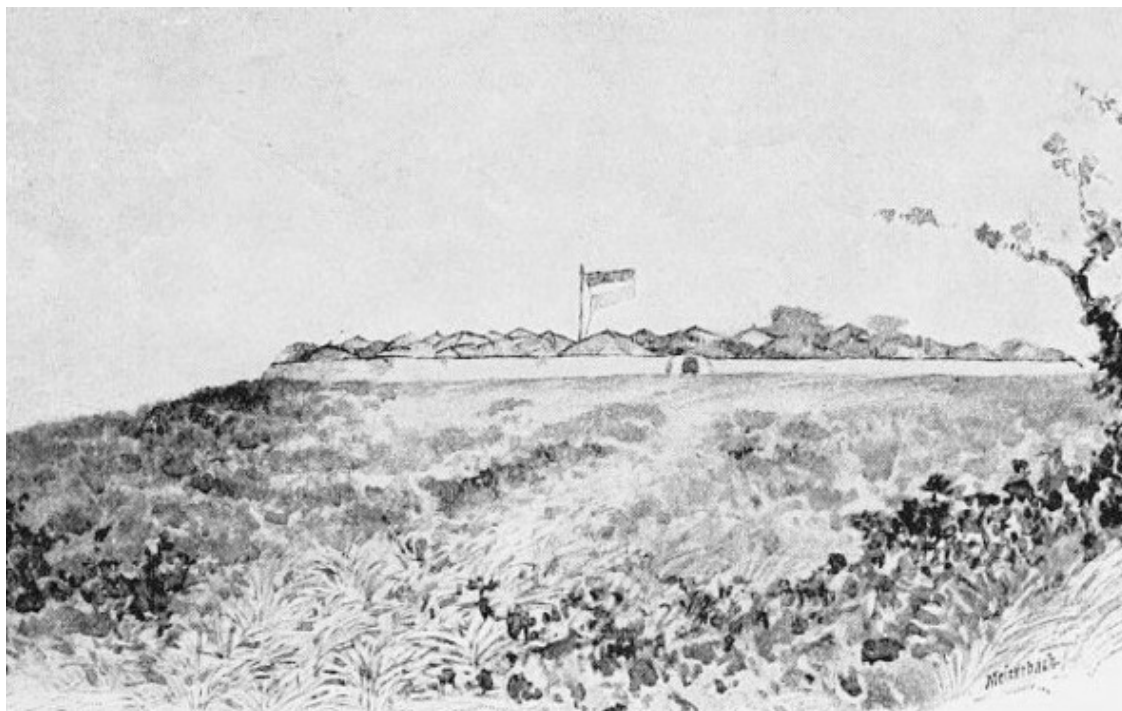
Муса – староста носильщиков

На основании этого договора я оставил султану следующее письмо для англичан:

«Султан Саква просил меня о моем флаге, и я удовлетворил его просьбу, чтобы у меня была поддержка в тылу для моего дальнейшего продвижения к Эмин-паше. Султан Саква поклялся мне, что он будет править своей территорией от моего имени и будет использовать ее ресурсы для целей моей экспедиции и для претворения любых других возможных планов в этой части Африки. Поэтому я заявляю, что земля Кавирондо принадлежит мне, и с этих пор султан Саква правит ею с моего согласия. Соответственно, я расцениваю любое нарушение прав султана Саквы, как нарушение моих собственных прав.

Доктор Карл Петерс». (Подпись)

На следующее утро, несмотря на назойливые просьбы Саквы остаться в его городе, я отправился под бой барабана через возделанную трудом земледельцев страну на юг, чтобы в этот день разбить свой лагерь на английской станции Ква Сунду. Здесь я должен получить определенную информацию, касающуюся страны на западе, чтобы я мог принять решение, могу ли я рискнуть на переход через Уганду и есть ли у меня шанс обойти эту страну и продвигаться вперед до Уньоро.

Германский флаг над столицей Кавирондо

ГЛАВА X. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ УНЬОРО И ПОВОРОТ В УГАНДУ НА ПОМОЩЬ ХРИСТИАНАМ

Мы очень комфортно расположились на английской станции. Молодой султан территории, на которой англичане построили свою станцию, принял нас, пожертвовав трех волов, хотя он, конечно же, добавил к подарку охладившую наше благостное настроение фразу – мы побии мангати в окрестностях Ква Саквы, и поэтому он просил, чтобы завтра мы победили мансати в окрестностях Ква Суду. Сюда пришли, кроме того, вожди масаев из Кавирондо с подарками и просьбой заключить договор со мной о дружбе. Они заявили, что все они были готовы признать меня своим хозяином, вождем и начальником. Я отложил решение этого вопроса до моего возвращения из Экваториальной провинции. Я сказал, что, когда я доберусь до своего немецкого брата, я вернусь с усиленным отрядом, а затем мы проведем совещания с вождями об их вступлении под мою защиту.

Из писем, предоставленных мне Али Сомалем, я впервые получил следующую достоверную информацию от мистера Маккея из Усумбино, датированную 25-м августа 1889 года. Я даю выдержку из этого письма:

«Мванга, сын и преемник Мутесы, короля Уганды, в 1887 году все больше и больше становился злодеем и тираном. В сентябре или октябре 1888 года, после того, как он попытался убить своих охранников, большинство из которых были либо христианами либо магометанами, эти стражники внезапно восстали и свергли его с трона. Изгнанный король сбежал в каноэ к южному берегу озера Виктория.

Брат Мванги по имени Кивева, был возведен на трон и, в первую очередь, провозгласил свободу для всех верований, но вскоре после этого начал кампанию против христиан и после избияния многих из них, выгнал их всех. Они нашли убежище в Бурагалле (Усагаре), которую также называют Анкором, чей король Антари принял их, как колонистов. Только несколько человек сбежали в каноэ на южную сторону озера и были приняты некоторыми из католических священников в Укумби, а некоторые англичанами в Усумбино. Господин Гордон и мистер Уокер, а также католические миссионеры в Уганде, содержались в плену в течение недели, а обе миссии были разграблены и уничтожены, и поэтому всем миссионерам было разрешено покинуть Уганду на христианской лодке. Естественно, арабы были главными зачинщиками и главными агентами в свержении христианских миссий, но они делали это не своими руками. Однако, арабы не долго пользовались благосклонностью Кивева. Он счел их слишком усердными в стремлении опекать его, и однажды он объявил всех магометан вне закона и своими руками убил трех своих вождей-мусульман. Так или иначе, мусульмане в стране подняли восстание, и теперь уже Кивеве пришлось бежать, спасая свою жизнь.

Тогда другой брат, по имени Калема, был выбран королем, и его войскам удалось уничтожить армию, собранную Кивевой, воины которой были пленены и перебиты. Мванга сначала укрылся у арабов Нуие, но потом оставил их из-за плохого обращения к себе. Он отправился к французам в Укумби, где проживал до апреля 1888 года. Между тем мистер Стоукс, бывший член английской экспедиции, а теперь торговец, прибыл с побережья. Мванга убедил его отвезти себя обратно в Уганду и попытался вернуть потерянный трон. Лодка высадилась в районе устья Кагеры, где Мванга поднял знамя восстания и вскоре получил большую поддержку, особенно, среди братства изгнанных христиан в Бусагале или Анкоре. Калема послал сильную армию против Мванги и разбил его войско.

Мванга бежал на острова Сесе *, где он был признан островитянами султаном. Он снова оказался во главе большого войска, посаженного на каноэ. Мванга отправился в Мерчисон-Бей

и высадился на маленький остров напротив селения Муньюоньо, ранее бывшего резиденцией короля.

Калема отправил армию под руководством араба по имени Хэмис Белуль, чтобы не допустить высадки Мванги, но вскоре это войско отступило. Войска Мванги высадились и сожгли Муньюоньо. В Кьягоре произошла битва, в которой была армия Калемы была разгромлена».

** Cесе – острова на северо-западе озера Виктория – примечание переводчика*

Далее мистер Маккей говорит, что вскоре г-н Стокс вернулся в Укумби, и в августе 1889 года был намерен вернуться с новым предложением оружия и боеприпасов для помощи Мванге. Мванга направил приглашение французам и англичанам обосноваться на островах Сесе. Несколько французов уже это сделали, и на следующий день г-н Гордон и мистер Уокер отправились на каноэ к Сесе.

Мистер Маккей добавляет свои собственные соображения:

«Конечно, миссионеры не могут помочь Мванге в борьбе, но их присутствие может добавить престиж его имени. Протестанты и католики вместе насчитывают около полутора тысяч человек. У них, я считаю, одна тысяча старых дульнозарядных ружей, но очень мало пороха. Помимо этого, Мванга имеет несколько тысяч приверженцев среди язычников, вооруженных копьями и щитами, в то время как у Калемы более двух тысяч ружей, а все арабы и их рабы обеспечивают его тыл. Но Калема, как я считаю, не склонен к исламу, и использует партию магометан только в качестве своего главного средства защиты. Некоторое время назад он убил всех принцев и принцесс среди своих родственников, до которых мог дотянуть свои руки, опасаясь, что тот или иной из них выступит как соперник в борьбе за трон.

Это не повысило его популярности, и я слышал, что некоторые из его главных приверженцев готовят заговор, но они боятся присоединиться к Мванге, поскольку он жесток со всеми, кто принял ислам. Я считаю, что Мванга в настоящее время должен спокойно оставаться в своем владении на островах Сесе и с помощью многочисленных каноэ, которыми он обладает (в то время как у Калемы их нет) блокировать побережье Уганды и помешать арабам получить подкрепления, таким образом, он постепенно наберет много приверженцев. На самом деле большинство вождей, оскорбленных Калемой, уже присоединяются к Мванге, хотя, конечно, с небольшим количеством последователей».

Далее мистер Маккейн делает письменное предложение Эмин-паше напасть с имеющимися у того силами на Калему и помочь Мванге занять трон. Мванга расценивается англичанами, как послушный в дальнейшем инструмент для установления фактического протектората в Уганде.

Письмо действительно дает очень четкую картину положения дел в Уганде и особенно английских замыслов на этих землях.

Из других документов, имеющихся в Ква Сунду, я также узнал, что при содействии мистера Стокса Мванга, по сути, истреблял последователей Калемы и 4 октября 1889 года вернулся на трон. Первое, что он сделал – отправил два посольства к начальнику английской станции в Кавирондо с просьбой к мистеру Джексону оказать ему помощь, заявив, что он готов, в этом случае, не только предоставить Британской Восточно-африканской компании монополию на торговлю в Уганде и во всех его землях, но и на подчинить себя британскому протекторату.

Подлинность просьб и предложений Мванги была заверена английскими миссионерами, а также французским миссионером Перу Лурделем. Из серии писем я смог убедиться, что мистер Джексон поначалу тянул с ответом, а затем в письменной форме вообще отказался от каких-либо действий. Он с его пятью сотнями «ремингтонов» не считал себя достаточно сильным, чтобы идти на Уганду, где, по всему, что он знал, враждующие стороны были довольно равносильными. Вместо того, чтобы своим мощным отрядом создать несомненный перевес в пользу Мванги и, не приложив больших усилий, подарить Уганду британской короне, мистер Джексон предпочел отправиться на охоту на север, где он был в настоящее время. Из последнего письма, подписанного Перу Лурделем, датированного 1 декабря с острова Булинггове, выясняется, что армия Мванги снова была разбита 22 ноября, что христиане снова укрылись на островах озера Виктория, и оттуда посылали более настоятельную, чем когда-либо, мольбу в английскую станцию за помощью. Этот документ я воспроизвожу:

«Дорогой сэръ, мы с болью услышали, что Вы не смогли прийти, по крайней мере, сейчас, чтобы оказать помощь Мванге и христианам Уганды, как мы надеялись.

Король Мванга поручил мне написать Вам от его имени письмо, которое я отправил Вам, когда он **ЕЩЕ НЕ ПОЛУЧИЛ НОВОСТИ О ПОРАЖЕНИИ ЕГО АРМИИ.**

Будучи вынужденным укрыться на острове Булинггове, он более чем когда-либо настоятельно просит о Вашей помощи. Взамен, помимо монополии на торговлю в Уганде, он предлагает вам в подарок сто пасилей слоновой кости (3500 фунтов), которые Вы получите, когда он будет восстановлен на троне. Он также берет на себя обеспечение Ваших людей и принимает Ваш флаг. Со своей стороны, мы, католические миссионеры, будем очень рады и очень благодарны.

Окажите помощь и защиту, которые Вы, я надеюсь, можете предоставить миссионерам и христианам этой страны, если Вам удастся изгнать мусульман. Я молю Бога и продолжаю благословлять и поддерживать Ваше предприятие. Соизвольте принять мое глубокое уважение, с которым я имею честь быть Вашим скромным слугой,

Симеон Лурдель, глава католических миссий в Уганде».

Я привел здесь эти факты, признавая возможность осуждения за нарушение секретности писем в Кавирондо; но я надеюсь, что такой упрек будет считаться необоснованным. Во-первых, речь идет не об открытии писем с моей стороны, а о документах, которые были переданы мне действующим официальным начальником английской станции. Во-вторых, должна быть учтена степень той ответственности, которую я нес за экспедицию и моих людей, что сделало моим долгом получить все сведения о землях, которые лежали перед нами.

После того, как я ознакомился с имевшейся информацией, появился васога, который принес последнюю угандийскую почту в английский лагерь, и положил ее передо мной.

«Ты – васога. Кто послал тебя сюда?»

«Ваганда заставили показать им путь в английский лагерь в Кавирондо».

«Какие у вас новости из Уганды? Кто там хозяин?»

«В Уганде идет война. Несколько лет назад Мванга перебил арабов, но Калема снова стал королем, а Мванга и его люди бежали на острова».

«Что за страна Усога? Вы принадлежите Уганде, или у вас есть собственные вожди?»

«У нас есть наши вожди, но все они подчиняются кабаке (королю) Уганды».

«Иноземцам разрешено путешествовать через Усогу без разрешения кабаки Уганды?»

«Если чужеземец приходит в Усогу, наши вожди должны сообщать об этом кабаке Уганды».

«Есть еда в Усоге?»

«Пищи, как песка у моря»

«Какая еда?»

«Бананы, зерно и мясо всех видов».

«Васога любят белых, или они нападают на них?»

«Васога любят белых, но они должны выполнять то, что им говорят ваганда (*основной народ Уганды*)».

«Ваганда есть в Усоге?»

«Да, они приходят каждый год, чтобы взять дань оттуда, а теперь многие из них бежали из-за войны в Уганде».

«Неужели васога принадлежат партии Мванги, или они вместе с Калемой?»

«Мванга – это кабака Уганды, а Калема – всего лишь злой человек, который нападает на него».

Затем я послал за султаном и его свитой и спросил его: «Ты знаешь страну под названием Уньоро?»

Он указал в северо-западном направлении.

«Эти ваньоро твои друзья или твои враги?»

«Ваньоро – наши друзья, ваганда – наши враги».

«Если вы хотите отправиться в Уньоро, вы должны пройти через Усогу или Уганду?»

«Нет, если мы хотим отправиться в Уньоро, нам нужно идти через Ква Тельесу. Оттуда мы отправляемся в Акора или Акону, а уже оттуда идем в Уньоро. Для достижения Акора требуется четыре дня, а еще четыре дня до Нила в Уньоро, и после этого мы переходим через Нил. Так что, от этого места до Уньоро – девятидневный марш».

«Много ли вы общаетесь с ваньоро?»

«Да, ваньоро приходят в Ква Телесса и приносят нам порох и боеприпасы. Мы отдаем скот и кукурузу, и получаем порох в обмен».

«Ква Телесса большое селение?»

«Ква Телесса – большой город, и там вы услышите новости о всех странах Запада».

«Можете ли вы дать мне проводника до Телессы?»

«Конечно, я твой друг, и ты можешь командовать здесь. Если тебе нужны проводники, я дам тебе их».

«Сколько дней проходит марш отсюда до Ква Телессы?»

«Мы спим первый день в Ква Тинди, второй в Ква Сургу, а на третий день мы добираемся до Ква Телессы»

«Какие люди живут в этих странах?»

«Там живут валукума»

«Вы дружите с ними, или вы живете с ними в войне».

«Валукума – наши друзья, а рядом с ними живут валунда. Они очень плохие люди, и с ними мы воюем».

«Тогда, когда я пойду в Ква Телессу, а оттуда в Уньоро, мне не следует идти ни через Усогу, ни через Уганду?»

«Нет. Ты оставляешь эти страны слева и направляешься прямо в Уньоро».

«Тогда приведи мне несколько проводников в Ква Телессу. Завтра я останусь здесь, а на следующий день я пойду отсюда в Уньоро. Когда я вернусь, я побью для тебя ваших врагов мансати».

На следующий день переговоры были продолжены, и окончательный результат их состоял в том, что я получил трех проводников (Гассию, Амокваджу и Ващитобу), чтобы провести нас к Ква Телессе.

3 февраля был одним из самых трагичных дней во всей экспедиции. Мне, конечно, было приятно видеть г-на фон Тидеманна полностью восстановившего свое здоровье; но в этот день произошел инцидент, который угрожал расстроить все мои планы на будущее и заставил меня, к моему ужасу, убедиться, что мне не стоило быть настолько уверенным в своих собственных людях. Утром Али Сомаль пришел ко мне с Хуссейном, пытаясь убедить меня не совершать марш к западу.

«Доктор очень увлеченный человек, это всеобщее мнение, – сказал Али Сомаль – он не боится, но он приведет вас всех к гибели. Молитесь и ждите, пока мистер Джексон и его три джентльмена не вернутся с нашими людьми. Тогда вы можете все вместе посоветоваться, и я уверен, что мистер Джексон будет очень рад выполнить ваш план вместе с вами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.